

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Некоторые данные по языку арабов кишлака Джутары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашка-Дарь- инского округа Узбекской ССР¹

Научный отдел НКП Узбекской ССР предоставил нам по представлению ученого секретаря Г. А. Юнусова командировку для обследования бухарских и кашка-дарьинских арабов с целью установить, сохранился ли среди них живой арабский язык.

Перед поездкой мы собрали какие было возможно статистические сведения об узбекских арабах.

В ЦСУ имелись итоги переписи населения Узбекской ССР 1926 г. в различной обработке: 1) общие сведения о количестве арабов, живущих по городам Узбекской ССР и по районам, без указания цифр населения по сельским населенным пунктам: здесь имелись рубрики и о количестве арабов, говорящих по-арабски; 2) материалы той же переписи с данными о числе узбекских, таджикских, арабских и прочих хозяйств по населенным пунктам сельских местностей.

Оперируя теми и другими, мы получили следующие итоги:

	Мужчин	Женщин	Всего
Общее число арабов Узбекской ССР . . .	14 894	13 083	27 977
Из них в сельских поселениях	14 238	12 519	26 757
» » в городских поселениях	656	564	1 220

По округам наибольшее число арабов, судя по этим сведениям, приходится на Кашка-Дарьинский округ (4133 м., 3814 ж., всего 7947 чел.), и на Бухарский округ (3104 м., 2745 ж., всего 5849 чел.). Из них говорящих по-арабски больше в Бухарском округе, а именно: 534 м.,

¹ Приведенные для иллюстрации записи лингвистического материала носят предварительный характер и требуют проверки и уточнения. *Ред.*

492 ж., всего 1026 чел., против 362 м., 342 ж., всего 704 чел., в Кашка-Дарьинском округе.

В остальных округах при значительном числе проживающих там арабов (в Зеравшанском, например, проживает 4088 чел., в Кенимехском — 2308 чел., в Андижанском — 1792 чел., в Сурхан-Дарьинском — 1589 чел. и т. д.) число арабов, говорящих по-арабски, оказывается незначительным: в Зеравшанском — 67 чел., Кенимехском — 83 чел., Андижанском — 61 чел. и в Сурхан-Дарьинском самое высокое число — 111 чел.

Остановив свой выбор на Бухарском и Кашка-Дарьинском округах, мы установили дальше, что наибольшее число арабов, говорящих по-арабски, проживает в Гиждуванском районе Бухарского округа (343 м., 362 ж., всего 705 чел.) и в Вобкентском (120 м., 87 ж., всего 207 чел.), а в Кашка-Дарьинском округе в районе Бешкент — 209 м., 198 ж., всего 407 чел., и в районе Кассан: 158 м., 138 ж., всего 296 чел.

Этим ограничивались общие сведения по городам и районам. Приступив к использованию материалов всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР (изд. ЦСУ, Самарканд, 1927), мы пробежали цифры арабских хозяйств по отдельным сельсоветам и по всем сельским населенным пунктам. Начали с Гиждуванского района, где на 171 населенный пункт всего района только в кишлаках Джугары и Шахан-Баг, имеется 145 арабских хозяйств — в первом 121, а во втором — 24. В Вобкентском районе из 178 населенных пунктов в двух имеются 53 арабских хозяйства (в кишлаке Шанигар — 13 и кишлаке Шит-мама — 40).

В Кашка-Дарьинском округе в районе Кассан с его 81 населенным пунктом имеется около 1500 арабских хозяйств, а именно: в кишлаке Джейнау — 503 арабских хозяйства, в кишлаке Чандыр — 432, в 7 пунктах сельсовета Майда-яву-сарай — 271 арабское хозяйство, в 3 пунктах сельсовета Алача-Бодо — 257 и т. д. Что же касается района Бешкент, там на 115 населенных пунктов арабские хозяйства имелись в двух: в кишлаке Мушкака — 224 и кишлаке Кохлек — 176.

Сопоставив те и другие сведения, можно заключить, что 705 чел. Гиждуванского района приходятся на 145 арабских хозяйств кишлаков Джугары и Шахан-Баг, 207 чел. Вобкентского района — на 53 арабских хозяйства в кишлаке Шанигар и Шит-мама, 296 чел. Кассанского района — на большее число (около 1500) арабских хозяйств в кишлаках Джейнау, Чандыр и т. д., 407 чел. Бешкентского района на 224 арабских хозяйств кишлака

Мущака и на 176 арабских хозяйств кишлака Кохляк. Более точные сведения мы надеялись получить в окружных статбюро и в райисполкомах.

Перед поездкой мы успели сделать и краткое обследование арабов находящегося под Самаркандом кишлака Араб-Ханы. Они первые называли кишлак Джейнау, как пункт, где безусловно арабы говорят по-арабски, что и подтвердилось. Большинство арабов Араб-Ханы считают своих предков выселенцами из Бухары.¹ Они имеют общие с арабами Джейнау и Кермине предания, в которых фигурирует имя Тимура и указывается общая для всех их родина. Они рассказывают, что предки их — выходцы из Медины, но что Тамерлан привел их уже из Авганистана и Персии. Арабы кишлака Джейнау говорят определенно, что их вели через Андхой и там многие из них остались. Другие прибыли в кишлак Гача. Султан Мир-Хайдар просил Тамерлана, выдавшего свою дочь за него, оставить арабов здесь, на что последний и согласился. В Кермине об этом же событии говорят так: арабы прибыли с эмиром Тамерланом и продвигались дальше. Султан Мир-Хайдар просил не бросать их дальше в Китай, а оставить на месте. Арабы из Араб-Ханы говорят, что Тамерлан, колонизировал край 70 000 арабов, затем продвигал их все дальше и дальше на восток, снимая с только что освоенного места, что было тяжело для арабов. За них заступился Султан Мир-Хайдар, который был женат на дочери Тимура: он просил Тимура оставить арабов на последнем месте. Арабы Араб-Ханы еще рассказывали, что в Карши у ишана Алау-Хана имеется арабская *шаджара* (родословное дерево). Действительно, по приезде в г. Бек-Буди мы нашли следы Алау-Хана и *шаджары*, но Алау-Хан год тому назад умер, *шаджара* же перешла к его родственнику, который выбыл из Бек-Буди.

Надо отметить, что в Араб-Хане мы застали момент, когда исчезли последние следы арабского языка. Последний хранитель языка старик Ибрагим умер 2 года тому назад, а в соседнем арабском селении Бузи-кишлак, по словам арабов Араб-Ханы, еще жива старушка Мама Назаль, говорящая по-арабски. Древний старик Парда-Бой, житель того же кишлака Араб-Ханы, сообщил, что он знал имена 32 арабских групп (Парда называл их *урук*²), разбросанных по территории Туркестана, но он забыл многие

¹ Тут нужно иметь в виду старые границы Бухары.

² В переводе с узбекского означает 'род'. Мы здесь не входим в суждение, названия ли это арабских племен, родов или колен, территориальные ли это названия, или иные, так как мы не имели возможности войти в исследование вопросов социальной культуры.

из тех названий, помнит лишь 12: Бени Хашим, Шейбони, Мигляди, Саль-Бор, Шони, Искандари, Сандони, Зангвуи, Бакши-Бой, Сурханопуш, Саади-Хосса и Шольпуш. Старик араб из кишлака Джейнау указал, что арабских *уруков* было до 70.

При обследовании выборочно арабских кишлаков Бухарского, Кашка-Дарьинского и Урта-Зеравшанского округов мы такого обилия названий не встречали.

Арабы кишлака Джугары относили себя к группе Санони или Сандони, арабы Джейнау к Шейбани (чаще произносят Шеймони), Хашим и Курейш, в кишлаке Кизиль-Там (около г. Кермине) — Шейбони и Санони, в кишлаке Там-Кёк — Санони.

Арабы Араб-Ханы ничего не говорили нам о кишлаке Джугары Бухарского округа, как-будто бы его не существовало; они связывали себя только с той группой арабов, которые находятся в кишлаке Джейнау и в кишлаках около г. Кермине.

Сами арабы кишлака Джугары Гиждуванского района Бухарского округа имеют особое предание о своем появлении в Туркестане. Это предание ниже приводится в подлинном тексте, здесь мы сообщим только содержание: пришли они в г. Старую Бухару из Анджияна в Афганистане в числе нескольких семейств, как паломники, чтобы поклониться могиле особо почитаемого мусульманами святого Бухаэтдина, мазар которого находится недалеко от г. Бухары. Из прибывших арабских семейств 4 пожелали остаться. Потом за долгий период времени эта ячейка арабов разрослась и в настоящее время насчитывает 121 семейство. Вообще же арабы Джугары говорят, что пришли позже, чем другие группы арабов.

Заканчивая данный обзор, приходится отметить, что в области общих преданий арабов требуется тщательная историческая проработка.

Прежде чем попасть в кишлак Джугары, мы собрали сведения в г. Старой Бухаре относительно всего округа. Сотрудники статбюро, лично производившие регистрацию арабов и заполнявшие на основании их показаний (иного критерия у регистраторов не было, так как никто из них не знал ни живого, ни классического арабского языка) рубрику демографической карточки о родном языке, арабскими называли: 1) тот же кишлак Джугары Бухарского округа, 2) некоторые пункты Урта-Зеравшанского округа, а именно: ряд кишлаков Нур-Атинского района и становища полукочевых арабов в районе г. Нур-Аты и 3) кишлаки, близкие к г. Новой Бухаре.

Первое, как видно из дальнейшего, подтвердилось, второе частью было обследовано (поездка Н. Н. Бурykiной в район г. Кермине) и дало отрицательные результаты, частью осталось недоступным для обследования за дальностью расстояния и дороговизной передвижения, но получило некоторое подтверждение в том, что арабы кишлака Джугары, оказывается, поддерживают самые живые сношения кочевого характера, с арабами, кочующими в районе Нур-Аты; и действительно мы, прибыв в Джугары, застали там многих арабов, владельцев гуртов овец, которые находились еще в это время (начало сентября) в летовке в указанном районе. По словам джугарийцев этот район отстоит от Джугары на 138 км, причем отделен горным хребтом, через который приходится переваливать со стадами.

Что же касается г. Новой Бухары, то и личный опрос, и изучение письменных материалов исполкома показали относительно ряда кишлаков, населенных арабами, что арабский язык там не сохранился.

Искали мы в г. Старой Бухаре и отдельных старожилов, которые встречались с кишлачными арабами и могут дать живые указания. Старый кади, большой знаток арабского классического языка, назвал также кишлак Джугары, прибавив, что арабский язык у них испорченный, плохой. Тут пришлось учесть отношение мусульманских ученых к живым диалектам арабского языка и к устной поэзии. Но то, что данный кади мог объясняться с безграмотными джугарийцами, уже давало соответствующее освещение вопросу об их родном языке.

Итак, 4 сентября 1929 г. мы отправились в кишлак Джугары, имея лошадей до г. Вобкента. В чайхане г. Вобкента можно было уже начать запись со слов джугарийцев, приехавших на базар в г. Вобкент (оказывается они посещают и базар в г. Гиждуване, к району которого принадлежат). В кишлаке Джугары мы имели возможность увидеть типичных по лицу арабов и услышать их характерную речь. Группа мужчин на улице (где особенно производили впечатление лица старцев и юношей, как наиболее повторяющие лицо араба), группы женщин на дворах домов с чертами двух типов: изящного, связанного с сухощавостью и стройностью членов, и грубо сколоченного, массивного, с мясистой щекой и груди. Все взрослое мужское население здесь сплошь неграмотно. Арабы говорят свободно на таджикском языке, но между собою объясняются по-арабски. Записи мы произвели в кишлаке Джугары и в кишлаке Шахан-Баге, где говор одинаков.

Джугарийцы, как и арабы Джейнау, сообщили, что дочерей своих отдают только за арабов, предпочитая близких родственников (жена почти всегда для мужа *bint ʔmi*), но жениться разрешается и на таджичке, и на узбечке, и на женщине всякой народности, исключая одних ирани. Это, впрочем, характерно для всех арабов Узбекистана. В Джейнау нам добавили, что там арабы не разрешают никого, кроме арабов, хоронить на своем кладбище, чужое же кладбище они не допускают располагать ближе, чем на 13 км от арабского кишлака. Промелькнуло в Джейнау указание, что арабы батраками стараются иметь не арабов, но это указание не подтвердилось.

Наблюдая жизнь тех и других, мы заметили, что классовое расслоение у них резко обозначается. В Джугары в отсутствие бая-хозяина, ушедшего с гуртом в далекую кочевку, орудовал по хозяйству дома араб, его уполномоченный, держа в руках группу арабов-батраков (мы видели их работающими в поле бая, на огороде, около домашнего скота, за ноской воды и пр.) и таджика издольщика. В Джейнау у хозяина-араба, где мы остановились, постоянно работал молодой араб, не родственник его, приносивший воду, подметавший пол, ухаживавший за лошадьми и исчезающий надолго для доставки продуктов, фуража и пр. Женщины во всех *ичкари* (женское помещение усадьбы или дома) работали сами, несмотря на различие в экономическом положении, без помощи прислуги; некоторые услуги (приноска воды, продуктов, фуража для рогатого скота и пр.) выполняли для них мужчины-батраки, не заходившие дальше порога входа на женский двор.

Относительно языка женщин мы заметили, что в Джугары большинство женщин не говорят по-арабски, а в Джейнау, наоборот, они говорят чуть ли не лучше мужчин. И, вообще, количество женщин не арабского происхождения больше в Джугары (в обследованных семействах это были преимущественно таджички, затем туркменки), чем в Джейнау.

Интересно, что арабы Джейнау делят себя на 2 группы: 1) арабы чистые, говорящие по-арабски, и 2) арабы-андхойцы, не говорящие по-арабски. Живут эти группы в разных кварталах, носящих названия: первый — Араб, второй — Араб-Андхой; первых насчитывается 200 семейств, вторых — 290.

Арабы Джейнау при своих кочевках со скотом, гоняют свой скот и в Авганистан; нередко они имеют непосредственные сношения с Андхоем.

Надо сказать, что наравне с земледелием, здешний край имеет развитое скотоводство (мелкий рогатый скот). В то время как в кишлаке Джугары было заметно, что лишь часть хозяев выбыла в летовку, все же население летом остается в кишлаке, здесь кишлак в летнее время совершенно пустеет; вся масса его обитателей выселяется в юрты. Для Джейнау районом летней кочевки является становище Шурча, в 30 км от кишлака Джейнау.

В Шурче нам не удалось побывать, так как в Джейнау шло широкое общественное переустройство, и все население было этим захвачено, сосредоточившись в кишлаке Джейнау.

Возвращаясь через г. Бек-Буди, мы наводили справки в статбюро, исполкоме, животноводсоюзе и других учреждениях. Показания шли вразнобой. Дело дошло до того, что нам сообщили, что арабы кишлака Джейнау не говорят по-арабски.

Между тем, при проезде по Кашка-Дарьинскому округу, начиная от ст. Кассан и кончая кишлаком Каспи, предшествующим Джейнау, мы везде слышали, что не только в Джейнау, но и в кишлаке Камашах имеется значительное число арабов, говорящих по-арабски. Называли еще кишлак Кохлек. Но именно в Кашка-Дарьинском округе мы обнаружили впервые, что население путает арабский язык с таджикским. Так один старик узбек утверждал относительно одного из кишлаков, где он прожил 15 лет, что там, как он знает наверно, местные арабы говорят на своем родном языке. Но при подробном расследовании выяснилось, что он за арабский язык принимал таджикский. В исполкоме, встретив группу типичных арабов, мы спросили, кто они по народности; они подтвердили, что арабы; когда же мы спросили, на каком языке они говорят, они отвечали, что по-арабски, и дали ряд примеров. Однако примеры обнаружили, что это таджикский язык.

Из г. Бек-Буди Н. Н. Бурыкина проехала в г. Кермине, чтобы обследовать этот район и проехать дальше в г. Нур-Ату, но, ввиду дороговизны передвижения до Нур-Аты, пришлось ограничиться районом Кермине. По сведениям здешнего райисполкома и на основании материала, полученного в порядке переговоров по телефону с председателем Нур-Атинского района, оказалось, что, как в самой Нур-Ате, так и в кишлаках этого района, арабы не живут компактными массами, а вкраплены небольшими кучками в толщу узбекского и таджикского населения; говорят ли они по-арабски, никто не знает, относительно же полукочевых арабов ничего не могли сказать.

Что касается района г. Кермине, то жители всех прилегающих к городу арабских кишлаков оказались не владеющими арабским языком. Однажды в животноводсоюзе сообщили, что в кишлаке Кызыль. Там арабы говорят по-арабски. При посещении его пришлось увидеть не арабов, а ирани с их языком. Ирани сообщили, что они арабами никогда не были, но что окружающее население очень часто называет их арабами; а их язык арабским. Они указали кишлак Там-Кёк, где живут арабы. Приехав в этот кишлак и начав обследование, Н. Н. Буркина получила показания, что будто бы это не арабы, а кара-калпаки, но тип жителей был на редкость типично-арабский; когда она выразила свое удивление, они открыли, что являются действительно арабами Санони. Свою ложь они объяснили тем, что в свое время, много лет тому назад, не желая платить дань эмиру бухарскому (именно, как арабы), они отреклись от своего происхождения. Говорили они на таджикском языке, имели собственное национальное сознание, придерживались таких обычаев, как, например, выдача замуж дочери только за араба.

К категории подобных явлений можно отнести и такой факт, что 17 кишлаков в районе Пулаты Кашка-Дарьинского округа при переписи 1924 г. назвали себя арабами, а при переписи 1926 г. уже фиксировали себя, как узбеков.

Далее необходимо отметить, что арабы не признавали арабскими некоторых арабских слов, которые вошли в таджикский язык, как например: *kitab*, *daftar*, *ḥauli* и т. д. При записи терминов родства слово *ḥal* — 'брат матери' они также не признали арабским, но слово *lolo* (*loli lolati*) 'брат матери' они признали своим (это слово с таким же значением в первый раз мы услышали у арабов кишлака Араб-Хане под Самаркандом, а затем в кишлаке Джейнау). Слово *lolo* в этом отношении приходится поставить в параллель с другим термином родства у арабов Джейнау *koko* 'старший брат'; по свидетельству авганцев г. Самарканда, и то, и другое слово заимствованы у авганцев. Здесь можно подытожить, что связь вышепоименованных арабов с населением Авганистана подтверждается и фактом кочевых сношений, и указанием преданий и, наконец как выше сказано, некоторыми лингвистическими данными.

Продолжая повествование, необходимо сообщить, что слово *ḍahab* 'золото' в кишлаке Джейнау население не произносит, заменяя его словом *ḥamga* ('красный' в ж. р.). Арабы Джейнау говорят, что называть это

слово грешно (ḡaram). В таком же значении они сказали еще другое слово: makrub.

Перейдем теперь к дальнейшему, а предварительно зафиксируем транскрипцию, примененную при записях: ʿ — ع, b — ب, d — ذ, f — ف, g — русское г в слове 'горе', ġ — غ, ġ̣ — ع, h — ه, ḡ — ح, ḡ̣ — خ, k — ك, q — ق, l — ل, m — م, n — ن, p — русское п, r — ر, s — س (также ث), ṣ — ص, š — ش, t — ت, ṭ — ث, ṭ̣ — ط, z — ز (ض, ذ), v — و, č — русское ч, a, ä = а/е, ai, e, i, j, ə = а/о, o, ö, u, y, w = ау, ʿ — смягчение.

Как у тех, так и у других арабов речь отличается быстротою и лаконичностью.

В фонетическом отношении она является типично арабской, так сохранилось произношение и таких характерных для арабского языка звуков, как ع, ح, ق и произношение аффриката ʿ.

Гортанный спирант (звонкий) арабского языка ʿ частично исчез, а в тех случаях, где встречается, произносится не с той энергичной гортанной артикуляцией, какая имеется у арабов; настроен он на а, ä, u, y: abi'a 'продать' (Джгр. и Джн.¹), 'ānab 'виноград' (Джгр.), iz'ayf 'слабый' (Джн.), 'ukur 'злая' (Джн.).

Другой гортанный спирант (глухой) ع сохранился почти в чистоте: ḡajt 'стена' (Джг. и Джн.), ḡalib 'молоко' (там же), ḡaḡar 'камень' (там же).

Параллельные ح и ع глубоко-заднеязычные спиранты خ и غ произносятся так, что خ не смешать с ح, а غ имеет произношение близкое к произношению ه, однако может быть уловлено, но резко отличается от произношения существующего в речи арабов Джейнау звука g, произносимого на подобие русского г в слове 'горе', 'груша' и т. д.; этот звук заменяет q; ḡait 'нитка' (Джгр. и Джн.), ḡams '5' (там же), ḡarufa 'рассказ' (там же), ḡaraba 'воевать حرب, maḡrib 'запад' (مغرب), ḡaliz 'толстый' (غلظ) (Джгр. и Джн.), ḡanam 'овцы' (غنم) (там же), ḡasāl 'стирать' (غسل) (там же), galeb (ص. قلب) гамаг (ص. قبر), и т. д.

Что касается звука q, то в кишлаке Джугары его произносят, как к язычковое, сильно напряженное, а в кишлаке Джейнау, как указывалось выше, как g, подобно русскому г в слове 'горе': qaadit 'села' (Джгр.), qulī 'скажи' (Джгр.), gozī 'судья' (قاض) (Джн.), galeb 'сердце' (Джн.).

¹ В дальнейшем всюду Джгр. = Джугары и Джн. = Джейнау.

Несколько сохранились в произношении у тех и других арабов семитические эмфатические звуки ط и ص, но произношение их с трудом улавливается: taala 'встал' (Джгр.), tabib 'врач' (Джн.), suf 'шерсть' (Джгр. и Джн.).

Эмфатический звук ض произносится как z: beza 'яйцо' (~ بيضة) (Джгр.), ogz 'земля' (ارض) (Джгр.), iz'uf 'слабый' (ضعيف) (Джн.), hamuz 'кислый' (حامض) (Джн.).

Зафиксирован случай, что зубной звук ذ классического языка (по Поливанову спирант типа англ. th) в кишлаке Джейнау произносился как z, а именно в слове зыб 'волк' (классич. ذئب).

Слово классического языка اثنان произносилось в Джугары как isnejn, а в Джейнау — как itna, слово ثوب — как saub (Джгр.), ثمانية — в Джейнау как tamania, كثير — в Джугары kasir. Таким образом звук ث в Джейнау сохранился в счете: itna и tolet. Глухой смычный ك слышится мягко, напр., kam 'сколько', kalb 'собака' (Джгр.), kazzab 'гадалщик', kabš 'овца' (Джн.).

Что касается гласных, то прежде всего в речи арабов слышится сильное влияние таджикского говора, — преобладание о, заменяющее а арабов, напр., gozi 'судья', ogz 'земля' и т. д. Затем заметна среди общей неустойчивости в произношении звуков у тех и других арабов неустойчивость в произношении гласных звуков. Они произносят: gas и gos 'голова', jad и jod 'рука', azn и ozn 'ухо' и т. д.

Со стороны морфологии речь арабов обнаруживает следующие характерные черты живого арабского диалекта: 1) глагольные префиксы buḡibu jaha, hindu buḡlibu, iḡri buḡḡani, ana bakit, ana bakul, inta tokul, guvu uklu, nāḡna nokul, mšrob mo, itnejnata aḡur nokul, ziklonat aḡur jöklun, marti tetḡaj; 2) наличие двойственного числа имен существительных: kalb - kalbejn, ajn-ajnejn, nāḡa-nāḡejn 'овца'; 3) выдержанность форм неправильного множественного числа имени существительного: kalb-kelab, ḡabal-ḡibal, ḡimar-ḡamir; 4) наличие арабских личных местоимений: ana, inta или intu, guvu, nāḡn, intum; 5) наличие местоименных суффиксов: baladna, binti, 'ami, lamzatku, zaḡabani, zaḡabak, buḡḡani; означенные окончания они употребляли и со словами чужого языка, напр. ākati 'мой брат' (āka — узб. слово); 6) наличие формы ж. р. для имен прилагательных: abiez - beiza, aḡmar-ḡamra и т. д.; 7) наличие степеней сравнения имен прилагательных: afzal

‘самый хороший’, наравне с этим однако арабы говорят (Джн.): *min haẓim kebir* ‘больше’, *min haẓam ʔaujil* ‘длиннее’, последнее в тех случаях, когда не могли сказать правильную форму; 8) наличие форм повелительного наклонения глаголов: *ḡibu*, *uḡuz*, *ukul*, *quli*, *iḡul*; 9) замена причастием простой глагольной формы: *ana maktubu*, *ana maḥadas*.

Приведем затем отдельные фразы, записанные в обследованных кишлаках.

Кишлак Джугары: *leil sor*, *kābš min barra ḡajnin* ‘ночь настала, овцы пришли’; *šims qaadit-haṣa bār sava* ‘солнце село, стало холодно’, *iḡal namu* ‘идите спать’, *eš šuḡol hamalium es sowet*; *mšrab mo*; *ana wahed binti marata maḥed*; *ana bint ‘ami maḥada*; *marḥabo ḡii*; *ana ḥaṭṭib maḡrimi bubara maḥlu* ‘шерсть стригу (овец)’; *bubary zinhu* ‘шерсть хорошая’; *ismak išvo* ‘как твое имя?’ *šims zahar ʔala* ‘утренняя заря’; *nus nahar* ‘полдень’; *l’jem hawa ḥarr* ‘сегодня жаркий день’; *(h)inte ma išrabu*, *batin šibā* ‘ты не пьешь, насытилась’; *bal bet manzara soulna* ‘окно над дверью’.

Кишлак Джейнау: *šams ḥarr iṣoret*; *ḥadad ilej eḡta*; *miška ḡit* ‘откуда идешь?’, *iškō hada* ‘где это?’, *iekō hada*; *fad adami hadaha*, *lima aḡit* ‘почему не пришел?’; *kif et met* ‘как поедешь?’; *kif halikak?* *šukur alla ḥala zinn!* *ahli beita* ‘твоя семья’; *gazainat* ‘дети’; *martin razia dera* ‘беременная женщина’; *maid ma min* ‘не умер никто’; *šu kul ʔamən* ‘все благополучно’; *baṭyh uhuz*, *helu ktyr* ‘дыню возьми, сладкая очень’; *ana ḡāat* ‘я сидящий?’; *ana aḡum* ‘я стою’; *ana apam* ‘я сплю’; *ana amid* ‘я иду пешком’; *ana al’muz* ‘я разговариваю’; *ana korazi* ‘я работаю’; *ana bakit* ‘я плачу’; *min faras ug’a*, *iḡli inkasarat* ‘упал с лошади, моя нога сломалась’; *ḥubz aštari* ‘хлеб купить’; *ṣuf abīā* ‘шерсть продать’; *marti tethaj* ‘женщина шьет’; *faši tuṭbaḡ*; *marti siob (il’bas) ḡasal* ‘женщина стирает платье (белье)’; *ibṣot issi* ‘женщина ткет’; *ḥajt sadḡ*; *ḡezi min ḡazi zinna*; *ana čajn azrak zinna ašufa* ‘я зеленый чай очень люблю’; *ana adami zinna ašufa*; *abuj valada zinna šufa*; *šāir rəs j’aḥiz*; *darb iško* ‘где дорога’; *moja maki* ‘воды нет’; *tāḡer mal jehur* ‘купец товар покупает’.

На наши постоянные просьбы рассказать что-нибудь, арабы кишлака Джугары и Джейнау отказывались, указывая, что раньше у них рассказывали *haḡufa* ‘рассказы’, а теперь нет.

Удалось записать из уст старика кишлака Джугары лишь один рассказ, которому выпадает на долю быть не только образцом связной речи,

типичной для этого кишлака, но и кратким фольклорным образцом, каких не удалось записать больше, ни здесь, ни в Джейнау: *min Anhoj ġoj ziarmo mazar Bohaeddin min kii ġejn aman ġoinu qadim vaṭan sauin, qadim ana min ġi qaly ua la soir anna mimo erb'ea ġairin - kabir soirin.*

В кишлаке Джейнау пришлось ограничиться записью трех анекдотов, сюжеты которых курсировали здесь среди арабов, попав из мусульманской литературы. Рассказал анекдоты один из немногих в кишлаке грамотных арабов, бывший цырульник, 44 лет в настоящее время секретарь волисполкома, М. А. Это лучший рассказчик в кишлаке. В этом кишлаке существует обычай, распространенный среди таджиков, пользоваться услугами цырульника на всех свадьбах. Он бреет всех мужчин, в том числе и жениха. Ему удается много послушать из уст других рассказчиков, и он сам делается специалистом этого дела. Переданные им три рассказа приведены нами исключительно в целях дать хотя бы какой-нибудь образчик связной речи арабов кишлака Джейнау.

āfendi muftaḥ hamsəja-tahad gidir gazi — (saḥaria) iṭnin gidir sədna ua dɣna moḥṭna — hamsəja ġajl'ki ana fat gidrikin mintini antu iṭnin gidir ġibtu ahtejtu.

āfendi ġailki; gidirkum ul'ud. Saḥaria uahed ġoj mihti — ūgub gidir ma mihtina. hamsəja ġailki — āfendim digir ehtu — āfendi ūgib ġailki — gidirkum mat, hamsəja — gidir ij mutmi —

āfendi ġailki — digir il'dmi ij mutmi gult halani ṣadakt mat — halani ma ṣadakti maktm, i taməm.

āfendi moja hazan liġufur gadam liġufri ājanki qamar bajan — ġal'ki ḥabil la čanča halaġa idrum ġufur gadama — čanča alejkam ḥaġar labak il ḥabil ġara m'a ġa ġalki il gamar əhsaāt la u hu min ḥaġar azal — fat ġara la əgaga la ājanki qamar lisama'uguf uhub ġal'ki, əli makejn aġira əksakmi — tameəmn.

āfendi l' ḥmər ɤaraša lil ḥamif l'nuṣ darb min ḥaul fat — tuġər min aġava (la hek ġail'li āfendim li iḥmar isör — āfendi ġailkim madri təġar fad mikdar nau šater mihte ġail'ki l'dubur iḥmərak iḥša ugub l'dubur iḥmor ḥašina ugub iḥmer duġra ḥarik li tarəša ġazimnə min fizim ugub āfendi li dubur ruḥa hamm fad mikdar ḥaši dubura ḥarik min iḥimər abir mat.

lima kon ruḥa hala ugub mərt āfendi ġailaki li ḥməraki ruḥak iəšštahar āfendi ugub ġail'ki inte hamm fad mikdər — li duburak əḥši ugub tedrin taməm.

Термины родства, записанные у арабов кишлаков Джугары
и Джейнау

	Д ж у г а р ы	Д ж е й н а у
1. мой дед	bovo	ammi
2. моя бабка	bibiti	ġidu
3. мой отец	abuj	abuj (abuj'a)
4. моя мать	ummi	ummi
5. мой сын	valadi	valadi
6. моя дочь	binti	binti
7. мой внук	nabirte (тадж.)	nabirā (тадж.)
8. моя внучка	nabirte (тадж.)	abira (тадж.)
9. мой старш. брат	ākati kabir (āka узб.) (gantāl) при обраш.	koko, aḡi kabir (авг.)
10. мой младш. брат	aḡuj ṣaġir (ākatin zaġir)	aḡi
11. моя старш. сестра	oḡtin kabir	dodati kabir (тадж.)
12. моя младш. сестра	oḡtin z(ṣ)ag̃ir	oḡti
13. сын моего брата	walad ākati	walad aḡi
14. жена моего сына	kelinti (туркск.)	kannati
15. муж дочери	ṣuhur, domot	ṣuhur
16. жена сына моего брата	kelin ākati	kannat aḡuj
17. дочь моего брата	bint ākati	bint aḡi
18. муж дочери моего брата	bint ākati zuaḡu	также как в Джгр.
19. брат моего отца	'ami	'ammi
20. жена брата моего отца	mart 'ami	mart 'ammi
21. дочь брата моего отца	bint 'ami	bint 'ammi
22. сестра моего отца	'amiti	('ami)
23. брат моей матери	lolo, lolati (авг.)	loli (авг.)
24. жена брата моей матери	mart lolo (loloti)	также как в Джгр.
25. сестра моей матери	ḡolti	ḡolti

26. муж сестры моей матери	zauğ ħolti	также как в Джгр.
27. отец мужа	ğidi	ğadu — ‘ammi
28. мать мужа	ğidi	ğidu — ‘amma
		(когда зовет жена сына)
29. моя жена	marati	также как в Джгр.
30. сестра жены	aħt marati	oħti marati
31. мой отчим	abuj uğaj	abuj uħaj
32. мачиха	ummi uğaj	ummi uħaj
33. мой муж	zauği	zauği
34. брат моего мужа	dodar, šuj (тадж.)	ħamaj
35. жена брата моего мужа		mart ħamaj (kamte)
36. вдова	zauğ mat	(biuva) zauğa maid
37. вдовец	mara matu	marta maid.

Словарь слов, записанных у арабов кишлака Джугары и Шахан-Баг Бухарского округа Гиждуванского района

abi‘a продать (Джн. также).	aħsar синий (Джн. aħazar серый (خضر).
abiez — beiza белый (Джн. также).	ākati kabirati мой старший брат (Джн. koko).
abaгг вчерашний день.	ākati nabirtu внук моего брата.
абыг брови.	‘ami мой дядя.
abuj мой отец (Джн. abuja).	ана я (Джн. также).
‘ašara 10 (Джн. также).	‘ānab виноград.
‘ašrine 20 (Джн. также).	‘arab арабский (Джн. ‘araba).
adami человек (Джн. также).	arabek женское украшение в виде кольца, вдеваемого в перегородку носа между ноздрями.
adami još молодой человек (Джн. также).	arba‘a 4.
aħuj šagir мой младший брат (Джн. также).	asfar желтый (Джн. также).
aħmaг красный (Джн. также).	
aħli народ (Джн. также).	

ana assaдык я надеюсь на тебя.
āzn уши.

baid далекий.

baqar бык (Джн. bagir) (بقر).

baqar корова.

bal bejd дверь.

barali вечер.

bard холодно.

batin живот.

bit дом.

bil с.

bilartzak роуца браслет.

binti моя дочь (Джн. также).

bint ħali дочь дяди.

bint ākati дочь моего брата (Джн.

bint aħi).

bint ākati zuaġi муж дочери моего
брата.

bohārha летом.

bot ветер.

buiġani у меня болит.

bubara шерсть.

dukor ножницы.

dar дом.

fargas лошадь (Джн. также).

fam рот (Джн. также).

fəq верхний,верху (Джн. также).

fəq bet потолок.

galiz толстый (غليظ).

ġanam овцы (غنم).

ġasal стирать (غسل).

maġrib запад (مغرب).

ġabal гора (Джн. также).

ġibal мн. горы.

ġanin пришли.

ġafafy арбуз (ħunduk, бытыџа).

ġinna джинны.

ġibu принеси.

ħaba чапан, халат.

ħoa пол.

ħada это (هذا).

ħava погода (هَوَاءَ).

ħuva он (هو).

ħaġar камень (Джн. также).

ħaj змея.

ħait стена (Джн. также).

ħaġr жар (Джн. также).

ħatab дрова (Джн. также).

ħalib молоко (Джн. также).

kif ħalikan как поживаете?

ħmor осел (Джн. iħħmar осел, ħamar
nasia ослица).

ħabzarat говорят.

ma la ħalak как поживаешь?

ħait нитка (Джн. также).

ħamaġo nizġou сеять зерно.

ħams 5 (Джн. также).

ħaġufa раесказ (Джн. также).

[ħaua воздух, погода (Джн. ħua)].

ħaula двор (Джн. ħauli).

ħatt перстень, кольцо.

ħubza maṭbaħ печеный хлеб.

ħurġ хурдж, вьючные мешки.

ħurufa ягненок.

ibir верблюды.	та не (Джн. также).
iğri моя нога (Джн. iğil).	madbağ печь (Джн. также).
iğrib превращается.	madbuğ кипеченое (halib молоко).
inara kin дерутся.	hubza madbağ хлебная печь.
ilbas штаны (жен.) (Джн. также).	maḥadas говорящий.
ismak твоё имя; ismi моё имя.	mahlu стричь.
isnein 2 (Джн. itna).	maktub письмо.
işvo как?	maktubu пишуший.
işrab пить.	maqdrou заботиться.
işkal женский головной убор в виде длинного покрывала (Джн. также).	mal животные, имущество (Джн. mal имущество).
jad рука (Джн. также).	maleḥ солёный.
kabir большой (Джн. kbir).	maḡaba привет.
kabş овца.	maḡon ожерелье из бус и серебряных пластинок (Джн. ожерелье из ку- сочков коралла).
kalb собака (Джн. также).	marid болен.
kelab мн. ч. собаки.	maṣṣadyk я надеюсь на тебя.
kelbin inara kine собаки дерутся.	maša итти.
kelin akati жена сына моего брата. (Джн. kannat aḡuj).	marti женщина.
kazalita лихорадка.	mazar мазар.
kif как (Джн. также).	miqgas ножницы (قرض) (Джн. также).
kauş сапоги. *	min кто (Джн. также).
qaadit села.	mišiaḡa обувь.
qadim древний.	moj вода (Джн. maj).
qarib близкий.	motola платок, прикрепляемый рас- пластанным спереди ниже подбо- родка.
quli скажи.	moḡza сапоги.
la нет (Джн. также).	muḡ горький (Джн. также).
lajl ночь (Джн. также).	moḡob мы пьем.
laḡm мясо (Джн. также).	
l'jom день (Джн. также).	nabirti мой внук (Джн. nabiga); моя внучка (Джн. abiga).
l'jom abar вчера.	naḡar река (نهر) (Джн. также).
lis'an язык (Джн. также).	
l'jaban молоко кислое (Джн. также).	

naħar день (نهار) (Джн. также); nuṣi naħar полдень.	sol nau sol новый год.
niħan молоть.	ṣoirin сделались.
namoll (lēmoll) платочек, надеваемый на голову поверх головной повязки (šaqq).	sōda черный (Джн. soda).
nāmu спать (в Джн. an'am).	sor пришел.
neḥsit жать.	suruqsa tola корь.
nizrou зерно.	ṣuf платочек (صوف) (Джн. ṣuf шерсть).
oḥtin kabir моя старшая сестра (Джн. dadati kabir).	šağar трава (Джн. šağēga).
oḥtin zagir моя младшая сестра (Джн. oḥti).	šahr месяц.
orz земля (ارض).	šaqq (labšaqq, lacaqq тадж.) головной убор в виде длинного и узкого по- крывала.
orz beit пол.	šib'a сытый.
orzija тибетейка.	šims солнце (Джн. šamas).
pan'jol' } panzol } чапан, халат.	eš šuğl работа.
patyħa арбуз.	šta зима (iš šita).
pustin шуба.	tağar купец.
tabi'a весна.	talat 3.
raqaba шея.	ṭamania 8.
ras голова (Джн. ros).	taṅğara кастрюля (Джн. tanğir).
riğal мужчина (Джн. reğali человек).	tiss'a 9.
sab'i 7.	ṭaala встал, поднялся.
ṣabi молодой человек.	ṭalaq развод.
samo небо.	ṭabaħa печь,
saub, sōb (ثياب — ثوب) одежда, платье, халат (Джн. saub).	ubar шерсть.
sava плохой.	ummi мать (Джн. также).
sitti 6.	unf нос.
	urħa мельница.
	usm имя (см. под i).
	zahar заря.
	zeraby дует.

zij хороший (Джн. zinn, zinni — хороший, вежливый).

zijaŋot посетить.

zingvij хороший.

zoo muḥaṭabi печь зимняя.

zuaḡ bint oḡti муж дочери моей сестры.

vaḥda один (Джн. vaḥed).

vaḥtin утро.

vaḡat больные (جمع).

Словарь слов, записанных у арабов кишлака Джейнау Кашка-
Дарьинского округа Кассанского района

abi'a продать (Джгр. также).

abiez белый (Джгр. также).

abira внучка (Джгр. nabirte).

abuja отец (Джгр. abuj).

'ašara 10 (Джгр. также).

'ašrine 20 (Джгр. также) (ašritin).

adami человек (Джгр. также).

adami āmir солдат.

adami ḥukumat ḡ'o красноармеец.

ana adri я знаю (см. под d).

aḡur дыня.

aḡuz старуха (Джгр. также).

afzal' самый хороший.

aḥmaḡ красный (Джгр. также).

aḥazar серый? (Джгр. aḥsar синий) (خضر).

aḥi мой брат (Джгр. aḥuj).

ahli beitaḡ родные.

ahl народ.

ana bakul я ем (inta tokul ты ешь, gucu uklu он ест, naḥnu nokul' мы едим).

aḡrabu родственники (اقراب).

ana almuz я разговариваю.

almuz слово.

ana amid я иду пешком.

ana я (Джгр. также).

'anza коза.

'arḡ'a 4.

'araba арабский (Джгр. 'arab).

ariza (arizza) деньги, серебряные деньги.

'ark война.

'asa палка.

asfaḡ желтый (Джгр. также).

'askaḡ солдат.

ašrub пить.

aštari купить (اشترى).

azam мастер (عظيم).

azrak izrak синий, серый.

azruba ударяющий.

bagir бык (بقر) (Джгр. baḡar).

baḡu oḡim сильный человек.

ana bakit я плачу.

bakši шаман.

balad город (madina старый город).

baladna наш город.

basal' лук.

beza яйцо.

bega şoir поздно.

ibi'a кооператив (см. под i) (باع).

binti моя дочь (Джгр. также).

bəbursa пирожное (тадж.).

bəten живот.

bog сад.

bustan сад.

burga блоха (классич. برغوث, совр. bargut).

бытыһа арбуз (hundyk, ğafary).

dadati kabir моя старшая сестра (Джгр. ohtin kabir).

damma ʔalu дым (far).

dar bi дверь.

darb дорога.

dasaga облаками (zalam туча).

digik мука.

dign сыр.

duhhan дым (دخان).

ana adri (دری) я знаю.

ad - dunja мир.

fadbalak адымі несколько.

fadkon адымі некоторые.

fahat пол в комнате.

fam рот (Джгр. также).

farah радость. (فرح).

faras лошадь (Джгр. также).

fatat благополучно.

fəq высокий (Джгр. также) ğabal kbir ādami tabil).

galeb сердце (قلب).

gamle вошь.

gamör луна (قمر).

ganging глупый.

garmur серебряное украшение в косе в виде серебряной трубочки.

gaui твердый (قوی сильный).

igari учитель (قرأ читать).

giddam вперед.

giddamanı начало.

gidir котел.

gizija головной убор в виде узкого и длинного покрывала.

gozi судья (قاض).

gunda пеленать.

ana agum я стою.

gutun хлопок.

ğaliz толстый (غلظ).

ğanam овцы. (غنم)

ğasäl стирать (غسل).

mağrib запад (مغرب).

ğabal гора (Джгр. также).

ğadid новый.

ğamäl верблюдица.

ğenub юг.

ğiba ватная рубаха.

ğide коза.

ğizar морковь.

ğild кожа.

ğoj прибыл.

ğräbi мышь.

ğuan kin несчастный (miskin).

ğuan голодный.

ğuğa пыленок.

ğufur колодец.

hada это (هَذَا).

haraba воевать

huvu — huvī он.

ḥab сеять.

ḥadida нож (раньше говорили sekīn).

ḥaḡar камень (Джгр. также).

ḥaj змея.

ḥait стена (Джгр. также).

ḥalib молоко (Джгр. также).

ḥakīm доктор (ṭabīb).

ḥalka серьги.

iḥḥmar осел (Джгр. ḥmor) мн. ḥamīr.

ḥāmar naṣīa ослица.

ḥamuz кислый (حامض).

ḥarīr шелковая материя.

ḥarr жар (в Джгр. также).

ḥasod жатва.

ḥašīm нос.

ḥaṭab дрова (Джгр. также).

ḥelu (ḥelui) сладкий, сахар.

muḥibbat любит.

ḥišt камень (ḥaḡar) кирпич, поле.

ḥišti maksur разбирать камень.

ḥištīm ḡabala каменистая гора.

ḥajt нитка (Джгр. также); tiṭḥaj шьет.

ḥamal'jom сегодня.

ḥams 5 (Джгр. также).

ḥanzīr свинья (خنزير).

ḥarufa рассказ (Джгр. также).

ḥauli двор (Джгр. также).

ḥolia jabis земля.

ḥua воздух (Джгр. haa).

ḥnbz хлеб (Джгр. ḥubza).

ḥunduk арбуз (бытыḡa, ḡafaḡy).

jabis невозделанная.

jīad рука (Джгр. также).

jūḡ'a болит.

jīaḥiz брить.

jīeḥus покупает.

jaḡakīn внутренняя (voḡ'a болезнь).

juzrub ударяющий (ضرب).

ībī'a кооператив.

ībra игла.

ībri sem игла с шелковой ниткой.

ībriq кувшин.

ībsot ковер (بساط).

īḡarī учитель (см. под ḡ).

īḡil нога (Джгр. iḡri).

īḡli ḡidam передняя нога (у животн.).

ījmit, immit, imtit когда (см. под m).

īnkasarat сломалась.

īnsa женщина (īnsiki).

īnsit жена.

īssi ткет.

īṣaret стала.

īška maadi куда.

īškal украшение вокруг шеи (в Джгр.

īškal головной убор в виде длин-
ного покрывала).

īskō hada где это.

īšš'ir ячмень.

īšuo как.

īštari покупает.

īzmaṭ украшение в виде кольца,
укрепленного в перегородку носа
между ноздрями.

kabtol около.

kalb собака (Джгр. также).

kelbejn 2 собаки.

kelbin 'ukur злая собака.

kajm облака.

kām vaḥed сколько.

kannat aḥuj жена сына моего брата
(в Джгр. kelin akati).

kazzab гадалщик (كذاب).

kaṁən ружье.

karḥana мастерская.

kasir ḡuap бедный (كثير).

kbir большой.

maksur ломанный (كسر).

maktub письмо (Джгр. также).

kif как (Джгр. также).

kəhən як.

kyсыг беда (حسر).

la нет (Джгр. также).

lajl ночь (Джгр. также).

laḥm мясо (Джгр. также).

laḥḥeta вырастил.

laḥija борода (Джгр. также).

lḥaf одеяло (Джгр. также).

lamza, lamsa слово.

lamsatkum ваше слово.

libad кошма.

l'jom сегодня.

lima почему; limma aḡit почему не
пришел?

limal муравей.

limma прятать.

lissən язык.

l'jaban кислое молоко.

lazina вчера.

loḥiḡa (?).

ma не (Джгр. также).

maj вода (Джгр. moj).

madbaḥ печь (Джгр. также).

madbuḥ вареный.

madina старый город.

maḥmal бархат.

mahadam kej развалины.

maḡrib запад (см. под ḡ).

majdan поле.

maksur ломанный (см. под k).

maktub письмо (см. под k) (Джгр.
также).

margum письмо.

mal животные, имущество (Джгр.
также).

malfuf капуста.

marak локоть.

maḡḡan ожерелье из кораллов (Джгр.
ожерелье также).

martin razia dəḡa беременная жен-
щина.

miḡras ножницы (قرض) (Джгр.
также).

min кто (Джгр. также).

miskin несчастный.

mizzan весы.

mizarek ружье.

muza (iḡil muza) сапоги (Джгр. mōḡza
тадж.).

mogurfa имущество (اقترف).

mugarta половинка.

muḡtanit смешанная.

muḡibbat любить.

murr горький (Джгр. также).

musaj ḥajt сапожник.

imtit когда.

nab (adami) старик.
 nab (martu) старуха (ağuz).
 nabira мой внук (Джгр. nabirti).
 nağa самка верблюда.
 nagank рыба.
 näğa овца, мн. ч. ğapat.
 nağar плотник.
 nāḥnu мы.
 nahar река (Джгр. также).
 nahar день (Джгр. также).
 ana anān я сплю.
 nāḥnu nakul мы едим (см. под а).
 namsyha вечер.
 nasili aqrabu родственники.
 nasia женщина.
 našiba пуля.
 ana nassine я забыл.
 nazalu min ğabal склоны горы.
 anzyl спускаться.
 nisi люди.
 oḥti моя сестра.
 oḥti kelintu жена сына моей сестры.
 rojin низкий.
 reğali человек (Джгр. riğal).
 razajnat дети.
 riḥa запах.
 riḥta zijana ладан (ganda).
 arkaб скачет.
 arkaб подымается.
 ros голова (Джгр. ras).
 ros i ğabal вершина горы.
 rukna колена.
 rukva (?)

sabı 7.
 saḥaria утро (سحر).
 şaḥra пустыня.
 sarir колыбель.
 saub платье (Джгр. также) говорят
 еще ʔoub (ثياب — ثوب).
 sekin нож (теперь говорят ḥadida).
 sğyr малый.
 serğ седло.
 sit 6.
 soda черный (Джгр. sōda).
 ʔoib прямой (путь).
 ʔoif верный.
 ʔuf шерсть.
 sugaa пупок.
 sut кнут.
 šaʔt волосы.
 šağera трава (Джгр. šağar).
 šukur Alla благодарение богу.
 šamas солнце (Джгр. šims).
 šamol šalaha вихрь.
 šaruša шапка меховая.
 šark восток.
 ši товар.
 šibaʔ купец (tağar).
 šimal север.
 šudrum роса.
 šugol работа (Джгр. šuğl).
 tağ band кушак.
 tağara купец (Джгр. tağar).
 tanğir кастрюля (Джгр. tanğara).
 terra курица.
 tissa 9.
 tiṭbaḥ она стряпает.

tithaj она шьет (см. под h).

tokul ты ешь (см. под a).

tora (узбекское), tordi — честный,
арабск. (طير).

tuffah яблоко.

tələt 3.

iṭna 2.

tamania 8.

ṭabib врач (طبيب).

ṭabil длинный (ṭauvil).

ṭabilki башня.

ṭabaḥa стряпать.

ṭabši кухня.

ṭajib прямо, хорошо.

ṭariq дорога (طريق).

ṭoub (ṣaub) платье (Джгр. saub, sōb).
(см. под s).

uḍ потолок.

uga' упал (وقع).

uḥuz возьми.

ukur злая (собака).

ukul ешь.

guvu uklu он ест.

immi мать (Джгр. также).

ıdḥul войди (دخل).

zakar баран.

zaqar мужчина.

zaḥa смеяться (ضحك).

zak навоз.

zalam туча (dasa).

zarabta ударил (ضرب).

zarabtni она ударила меня.

zarabani он ударил меня.

azruba ударяющий (см. juzruba под ju).

zinni вежливый.

ziñn хороший.

zinnkiñ добрый.

zyb волк (ذئب соврем. яз. и ذئب
классич.).

iz'ıyf слабый (ضعيف).

vaḥed 1 (Джгр. vaḥda).

vald aḥi сын моего брата (Джгр. va-
lad akati).

valadi мой сын (Джгр. также).

vaga назад.

voğ лицо.

voğa' galb болезнь внутренняя (وجع
قلب).

voğa' jaraḥyn болезнь наружная.

vald oḥtin сын моей сестры.

Н. Бурыкина.

М. Измайлова.

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ
АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРАБОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Опубликование в томе V „Записок Коллегии востоковедов“ (Академии Наук СССР) сообщения Н. Бурькиной и М. Измайловой об арабских наречиях Средней Азии¹ явилось событием исключительной важности для истории арабской диалектологии. Авторам сообщения удалось обнаружить в Бухарском и Кашкадарьинском округах Узбекской ССР арабов, говорящих по-арабски. О пребывании арабов в Средней Азии в литературе известно давно, но до самых последних времен специалисты не располагали материалами, свидетельствующими о сохранении живой арабской речи среди среднеазиатских арабов. Важность изучения указанных наречий ясна всякому, интересующемуся вопросами семитологии и арабской диалектологии в частности. В своем докладе на первой Сессии арабистов Я. С. Виленчик, касаясь вопросов развития арабских диалектов, указывал, что „если язык бедуинов аравийской пустыни и прилегающих к ней степей представляет собою дальнейшее развитие староарабских диалектов доисламского населения, то арабидские диалекты (если употребить термин Я. С. Виленчика), т. е. диалекты оседлого населения Ирака, Сирии, Палестины, Египта и т. д. возникли как продукт смешения староарабских говоров исламских завоевателей и языков туземного населения завоеванных ими стран и развивались в направлении, сходном с аравийскими говорами“.² Но при этом не следует забывать, что с развитием социально-культурных отношений в странах арабского Востока растут значение и роль литературного арабского языка. Растет влияние классического языка на диалекты. Это влияние сильнее чувствуется в странах с более высокой образованностью, именно — в Египте и Сирии. Этим и объясняется, что египетское и сирийское наречия, в основе которых лежит иноязычный субстрат, в некотором отношении значительно ближе стоят к литературному арабскому языку, чем более изолированно развивающиеся аравийские диалекты центральноаравийской пустыни. Наконец, не следует упускать из виду того обстоятельства, что в Египте и Сирии вырабатывается *κοινή διάλεκτος*, влияние которого простирается далеко за пределы этих стран. В силу сказанного, понятен интерес к языку оторванных от арабского мира безграмотных среднеазиатских арабов. Влияние классического языка, так же как и диалектов арабских, в данном случае сводится к минимуму. С другой стороны, развивающиеся самостоятельно в продолжение веков диалекты не могли не подвергнуться влиянию

¹ Н. Бурькина и М. Измайлова. Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР. Зап. Колл. востоковед., V, стр. 527—549.

² J. S. Vilenčik. Zur Genesis der arabischen Zweisprachigkeit. OLZ, 1935, p. 721 ff.

окружающих языков — таджикского и узбекского, отчасти также афганского и туркменского. Поэтому естественно ожидать сохранения старейших форм, с одной стороны, и тенденции к развитию новых явлений, — с другой, именно в среднеазиатском арабском, который, в силу особых условий своего развития, занимает совершенно обособленное место среди остальных диалектов арабского языка.

После опубликования указанной статьи Н. Бурыкиной и М. Измайловой прошло около 7 лет, но, к сожалению, новых сведений о среднеазиатском арабском в литературе еще не появлялось, хотя материалы уже накопились в достаточном количестве как в Ленинграде, так и в Тбилиси. За последнее время нам пришлось специально заниматься среднеазиатским арабским, и в настоящем докладе мы предполагаем вкратце коснуться некоторых особенностей этого языка, не ставя себе задачи дать здесь подробную характеристику изучаемого диалекта, а считая возможным ограничиться выводами общего характера, к которым мы пришли в результате работы над указанным вопросом.

1. ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Прежде всего следует отметить, что в настоящее время нам известны только некоторые районы с арабским населением, говорящим по-арабски. Но, несомненно, при дальнейших изысканиях удастся обнаружить еще новые центры распространения арабской речи, ибо, как выясняется, не только территория Узбекской ССР, но и территории Таджикистана и Туркменистана были населены арабами в огромном количестве. Во многих кишлаках Средней Азии местные жители до сих пор помнят свои арабские племенные названия и все еще считают себя арабами. Так же называют их окружающее население. Впоследствии арабы Средней Азии ассимилировались с местным населением и совершенно утратили свой язык. Процесс ассимиляции продолжается и сейчас. Во многих местностях Вабкендского, Гидждуванского, Бешкендского и других районов указывают на кишлаки, где еще несколько десятков лет тому назад говорили на арабском языке, от которого теперь сохранились только следы. В настоящее время известны только следующие места с арабоязычным населением: в Гидждуванском районе — кишлаки Ġāgarġ, Ćrdarġa (или Ćagdarġ) и Šahan-Bag; в районе Вабкенда — кишлак ‘Arab-hāne (или ‘Arabġn), иногда называемый местным населением по ошибке Mir-Sulejman-ом или Rosbadanġ. Второй центр арабоязычного населения находится несколько южнее, к северо-западу от г. Қарші Қашқадарьинской области, в Бешкендском районе, именно — кишлаки Қаташі и Ğejnau.

Кроме перечисленных кишлаков, местное население указывает на целый ряд селений,¹ где будто бы еще говорят по-арабски. Но, к сожалению, пока эти сведения не проверены.

Кроме того, арабы из кишлака Джейнау указывают, что в Афганском Туркестане, в сторону Маймоне, поблизости Ахчи и Шубургана, живут арабы в большом количестве и что сами они являются переселенцами из этих местностей. Переселение из Афганистана продолжалось до самых последних времен, и старики еще помнят отдельные случаи таких переселений. Так, напр., они указывают, что прадед одного колхозника Нoĝa Murād’a ‘Ašġr Barfāġ только в начале XIX ст. переселился из Афгани-

¹ Некоторые из них перечислены в работе Н. Бурыкиной и М. Измайловой (стр. 532—533).

стана. В связи с этим, характерно отметить, что влияние афганского сказывается на среднеазиатском арабском в большей степени, чем на окружающих его языках — узбекском и таджикском.

Арабы Бухарской и Қашқадарьинской областей до последнего времени жили оторванно друг от друга. Они вели замкнутый образ жизни и были также оторваны от местного населения. В жены брали арабов. Только в последнее время стали они устанавливать родственные отношения с таджиками и узбеками.

Арабы Бухарской области, так же как и Қашқадарьинского округа, относят себя к разным племенам (*urūk*), вроде *sa'nānī*, *šeibānī*, *ša'bānī*, *ḥašimī*, *ḡuraǰšī* и т. д. Эти племена со своей стороны подразделяются на колена. Так, напр., арабы кишлака Джейнау насчитывают шесть колен: Вауāга, 'Ауāпа, Ḥarrūk, Andhóǰ, Čuḡurkūl, Ḳattaróǰ. Из них первые три колена говорят по-арабски, остальные — уже совершенно утратили свой язык.

Наша работа протекала, главным образом, в кишлаках Čardarǰ и Čāgarǰ Гидждуванского района и в кишлаке 'Arab-hāne Вабкендского района. Кроме того, мы записали некоторое количество текстов в кишлаках Ḳamašī и Čeǰnāu Бешкендского района Қашқадарьинского округа.

2. МЕСТО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО АРАБСКОГО СРЕДИ ДИАЛЕКТОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

В результате этой работы для нас стало ясно, что среднеазиатский арабский является самостоятельным диалектом, отличающимся от известных до сих пор арабских диалектов целым рядом явлений как в области фонетики, так и морфологии, лексики и главным образом синтаксиса.

С другой стороны, внутри самого среднеазиатского необходимо отметить наличие, по крайней мере, двух самостоятельных наречий: а) одного, распространенного среди арабов, обитающих в Бухарской области, и называемого нами бухарским наречием среднеазиатского диалекта арабского языка, и б) другого, свойственного арабам, живущим в Қашқадарьинском округе, к северо-западу от г. Қарши, называемого нами қашқадарьинским наречием того же диалекта. Указанные два наречия со своей стороны распадаются на отдельные говоры, отличающиеся друг от друга подчас в значительной степени как в области лексики, так и морфологии и фонетики. Разница чувствуется даже в разных *maḥalla* (кварталах) одного и того же кишлака (напр., в Джейнау арабы из колена 'Ауāпа сами указывают на некоторые расхождения их речи с языком Вауāга).

3. ЗВУКИ

С о г л а с н ы е. В настоящее время в среднеазиатском арабском сохранилось большинство исконных арабских звуков. На ряду с утратой некоторых звуков прибавлено два чуждых арабскому языку звука: р и č.¹ При этом они не являются исключительно иноязычным вкладом, а возникли на почве развития соответствующих арабских звуков, быть может, не без влияния окружающих языков. Эти звуки появляются не только в словах таджикского или узбекского происхождения, но и в таких исконно арабских словах, как *ḡarar* < هرب 'убежал'; *uṣū* وجه 'его лицо';

¹ Н. В. Юшманов. Арабское наречие Советского Востока. Культура и письменность Востока, кн. X, М., 1931, стр. 77.

ni'āš < نعاж 'овцы'; šūgīja (тадж. sōgīja, класс. араб. جارية) 'прислуга'; ḥaš < حجاج (хадждж) 'паломничество' и т. д. Таким образом в обследованном диалекте š не является результатом палатализации задненебного k, как это имеем, напр., в месопотамском, а следствием оглушения соответствующего согласного. Точно так же первичный b часто дает глухой придыхательный p. Наряду с этим, встречается и промежуточный звук, глухой media b. Из глухих mediae, кроме b, следует также отметить d и g.

С другой стороны, в изучаемом диалекте констатированы утрата некоторых исконных согласных (ث, ذ, отчасти ع) и ослабление артикуляции отдельных типичных для семитических языков звуков.

Из лабиальных следует отметить сильное ослабление артикуляции лабио-дентального глухого f, что иногда приводит к его исчезновению (напр. ḥilā < ḥilāf). Констатировано также некоторое изменение артикуляции билабиального u, который приближается к лабио-дентальному v, особенно перед гласными e и i.

Междузубные щелинные ث и ذ в Ġrī дают s¹ и d — весьма любопытный случай отражения согласных одного и того же характера (щелинных), звонкого ذ и глухого ث по-разному: в одном случае зазубным смычным, а в другом — сибилантом. В Ġeīnāu эти звуки переданы более последовательно: s и z, хотя и там встречаются такие случаи, как matal < مثل; ḥāda < هذا, и т. д. Эмфатический шумно-латеральный ح, который в бедуинском и феллаḥском совпадает с ḥ,² в нашем диалекте произносится как z, с сильной тенденцией к ослаблению артикуляции.

Из веларизованных переднеязычных сохранились, кроме того, смычный t и щелинный š.

Палатализированный латеральный l в Ġrī произносится значительно мягче, чем обычное арабское l, и приближается к i. Этим и объясняется его утрата в одних случаях (в конце слова, перед последующим согласным) или замена им щелинного палатального i (lihla < lihja 'борода' в данном случае, очевидно, не без влияния первого коренного l).

Язычковый смычный ق в қашқадарьинском почти всегда произносится звонко, подобно месопотамскому g. В бухарском наречии этот звук обычно заменяется глухим k, но и здесь встречаются единичные случаи его звонкого произношения (giddāmu < قدامه). Фарингальные ع и ḥح полностью сохранили старую артикуляцию, но при этом в конце слова (а в Ġeīnāu и в других случаях) и в соседстве с глухими гласными наблюдается изменение ع в ḥح в результате утраты им звонкости. Это явление, распространенное и в других арабских диалектах (хотя, может быть, не в такой степени, как в среднеазиатском арабском), естественно, если вспомнить, что ع не что иное как звонкий коррелятив глухого ح и что при утрате звонкости 'айном слышится ḥ (Gairdner, Mattsson).

Из глоттальных согласных в обследованном диалекте сохранился только h. Хамза или бесследно теряется, или заменяется 'айном (mi'a < مائة; ġa' [-Ġeīnāu-] < جاء; kuṛ'ān < قرآن, и т. д.), иногда палатальным i (ср. аналогичные явления, напр., в иракском).³ Она встречается только в некоторых междометиях и отрицательной частице la' (в паузе).

¹ Наряду с этим нередко встречаются случаи t < ث.

² Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 77.

³ B. Meissner. *Neuarabische Gedichten aus dem Iraq. Beitr. z. Assyriol. u. semit. Sprachwiss.*, Bd. V, hrsg. von Friedrich Delitzsch und Paul Haupt. Leipzig, 1906, pp. VII—VIII.

Гласные. Среди гласных в обследованном диалекте констатируется наличие пяти основных фонем, меняющих окраску в условиях палатализации, лабиализации, веляризации и т. д. На окраску гласного может влиять любой согласный. Долгота гласных уже не играет прежней роли, и заметно стремление к сокращению долгих гласных (особенно в конце слова, а отчасти в замкнутом слоге и в середине), хотя они все еще встречаются. Первичное долгое „а“ обычно произносится как $\bar{a}$: $\bar{k}\bar{a}l$ ‘сказал’; $\bar{t}a\bar{a}m$ ‘пища’; $\bar{p}\bar{a}\bar{s}\bar{a}$ ‘паша’;¹ $\bar{m}\bar{a}t$ ‘умер’; $\bar{d}u\bar{m}\bar{a}\bar{g}$ ‘настроение’;² и т. д. Кроме того, встречаются случаи сохранения старой артикуляции: $\bar{s}\bar{a}fu$ ‘[-он-] видел [-его-]’; $\bar{s}\bar{a}lu$ ‘[-он-] поднял [-его-]’, и т. д. Очень часто $\bar{a}$, вследствие дальнейшего затемнения, произносится как $\bar{o}$. С другой стороны зафиксировано произношение первичного долгого $\bar{a}$ как $\bar{æ}$ ($\bar{k}\bar{æ}i:n$, $\bar{k}\bar{æ}i:na$ и т. д.). В слове $\bar{r}\bar{a}\bar{s}$ ‘голова’, вместо ожидаемого $\bar{r}\bar{a}s$ (что и имеем в кашкардарьинском), в бухарском наречии встречаем форму $\bar{r}as$ с ‘чистым’ кратким гласным „а“. Кроме того, наблюдается затемнение и краткого „а“, особенно в соседстве с губными: $\bar{a}b\bar{i}az$ ‘белый’; $\bar{a}rba$ || $\bar{a}rba\bar{h}$ ‘четыре’ и т. д. Ударяемое первичное долгое „у“ в конце слова, подобно бедуинскому, стягивается в $\bar{u}$: $\bar{a}b\bar{u}h$ ‘его отец’; $\bar{s}\bar{a}l\bar{u}h$ ‘[они] подняли [его]’; $\bar{s}\bar{a}f\bar{u}h$ ‘[они] увидели [его]’; $\bar{d}\bar{a}s\bar{u}h$ ‘они сжали [то]’ и т. д.

4. УДАРЕНИЕ

В настоящее время трудно указать с точностью правила применения ударения в обследованном диалекте. Оно часто меняется в зависимости от различных условий и нередко в одних и тех же словах появляется в разных местах. Впечатления, получаемые нами в результате работы над языком среднеазиатских арабов, позволяют нам сделать в настоящее время по этому вопросу следующие предварительные замечания.

В области применения ударения, как и в других случаях, среднеазиатский арабский обнаруживает сходство с месопотамским и аравийскими бедуинскими диалектами. Обычно ударение предпочитается на первом слоге с конца, если этот слог долгий: $\bar{s}ab\bar{i}$ ‘юноша’; $\bar{h}\bar{u}sa\bar{i}n\bar{i}$ (сорт винограда); $\bar{m}ib\bar{i}h$ ‘продавец’; $\bar{m}u\bar{c}ak\bar{k}il\bar{i}n$ ‘уполномоченные’. Нередко ставится ударение и на просто замкнутом слоге с кратким гласным, занимающим первое место с конца: $\bar{h}a\bar{t}\bar{a}r$ ‘дрова’; $\bar{k}am\bar{a}r$ ‘луна’; $\bar{h}am\bar{a}l$ ‘овен’ (знак зодиака); или даже на вторичных гласных: $\bar{b}a\bar{a}z$ < $\bar{b}\bar{e}\bar{c}\bar{s}$; $\bar{s}a\bar{a}r$ < $\bar{s}\bar{a}\bar{a}r$ ‘волосы’; $\bar{i}z\bar{i}n$ ‘ухо’, и т. д. Кроме того, часто встречается ударение и на нунации $\bar{g}ild\bar{i}n$ ‘шкура’; $\bar{h}adis\bar{i}n$ ‘рассказ, слово’. Глагольные окончания множ. ч. жен. р. обычно носят на себе ударение: $\bar{z}arab\bar{t}\bar{i}n$ — 2-е л. жен. р. множ. ч. от $\bar{z}arab$; $\bar{z}arab\bar{i}n$ — 3-е л. жен. р. множ. ч. от того же глагола. Наряду с этим есть случаи появления ударения в двухсложных словах с краткими гласными на втором слоге с конца: $\bar{u}alad$ || $\bar{u}alat$ < $\bar{u}ald$; $\bar{a}sad$ || $\bar{a}sat$ < $\bar{a}sd$ (знак зодиака); $\bar{b}iket$ < $\bar{b}ikt$ и т. д. В двухсложных словах со вторичным кратким гласным часто предпочитается ударение на втором слоге с конца $\bar{z}\bar{a}fir$ < $\bar{z}\bar{a}fir$; $\bar{z}\bar{a}hir$ < $\bar{z}\bar{a}hir$; $\bar{b}\bar{a}t\bar{e}n$ < $\bar{b}\bar{a}t\bar{e}n$; $\bar{l}\bar{a}h\bar{e}m$ < $\bar{l}\bar{a}h\bar{e}m$ и т. д.

Если второй слог с конца долгий, при условии, что первый слог краткий, то ударение падает на второй слог: $\bar{h}\bar{a}t\bar{e}m$ ‘перстень’; $\bar{h}\bar{a}mid$ (n. pr. мужа); $\bar{g}idd\bar{a}mu$ < $\bar{g}idd\bar{a}mu$; $\bar{h}\bar{a}it$ (sic) < $\bar{h}\bar{a}it$, и т. д.

¹ Употребляется не в обычном смысле, а в значении ‘эмира’.

² Класс. араб. دماغ, ‘мозг’, ‘череп’.

В трехсложных словах с краткими гласными ударение часто падает на третий слог с конца: *káталu* < قَتَلَه; *káтабу* < كَتَبَه; *tiktibu* < تَكْتِبُه, и т. д., но заметно стремление к передвижению ударения на второй слог, как это имеет место в месопотамском и аравийском: *katábet*; *zarábet*; *i^aábər*; *i^aháfər* и т. д. В VII и VIII породах глаголов, подобно месопотамскому, в нашем диалекте также встречается ударение на втором слоге: *inázam* || *inházam* < اِنْهَزَم; *ingálab* < اِنْغَلَب. Дальнейшие изыскания в этом направлении, надеемся, позволят нам более уточнить правила применения ударения в отдельных говорах изучаемого диалекта.

5. ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

По части изменения звуков следует отметить, что редко где из известных нам арабских диалектов распространены явления ассимиляции, перестановки, падения согласных, замены и т. д. в такой степени, как в обследованном диалекте. Так, напр., *t* ассимилируется с любым последующим звонким согласным: *midríd* < *mitríd* < *mi-tu-rídu* 'хочешь'; *idgūm* < *tgūm* < *tagūm* < *taḡūmu* 'встаешь'; *raššēdni* < *raššeṭni* 'ты бросил меня' и т. д. Иногда ассимиляция происходит полная, вследствие чего согласный элемент глагольного преформатива настоящего времени, по утрате гласного, совершенно сливается с последующим глагольным основанием и теряется бесследно. В связи с этим, формы лица в глаголе можно отличить только благодаря наличию предшествующего глаголу местоимения. Таким образом в целом ряде случаев имеем такие формы: *isəuṭi* 'он делает' (< *isəuṭi* < يَسُوِي) 'и она делает' или 'ты делаешь' (*isəuṭi* < *issəuṭi* < *itsəuṭi* < *tsəuṭi* < تَسُوِي); *misu* (*Ġāgarī*) 'он делает' и 'она делает' или 'ты делаешь'; *išila* (*Ġejnáu*) 'он поднимает' (от يَشِيلُه) и 'она поднимает' или 'ты поднимаешь' (*išila* < *iššila* < *itsila* < *tšila* < تَشِيلُه). То же самое происходит с конечным согласным элементом слова *fād* || *fat* < فَرَد. В зависимости от того, какой мы имеем звук в начале следующего за этой частицей слова, встречаются формы: *fad*, *faḏ*, *fat*, *fas*, *faṣ* (*faṣ-ṣabí*), *faz*, *faz* и т. д.

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что таким же явлением ассимиляции подвержено большинство согласных среднеазиатского арабского. Перечислить в этом предварительном сообщении все случаи таких ассимиляций вряд ли представляется возможность. Необходимо лишь отметить, что такая тенденция к уподоблению привела в среднеазиатском арабском, быть может, не только под влиянием узбекского и туркменского, к гармонии гласных, которая в қашқадарьинском наречии (т. е. наречии, находящемся под сильным влиянием узбекского и отчасти туркменского) сказывается в большей степени, чем в бухарском. В результате этого мы имеем в глаголах совершенного вида полное однообразие гласных. При этом в языке 'Arab-ḥāne и отчасти *Ġāgarī* преобладающее значение имеет гласная второго коренного, которой и уподобляются остальные гласные, а в қашқадарьинском все глаголы, независимо от того, какую гласную имели они при второй коренной, представлены в виде *fa'al*. Таким образом, с одной стороны, имеем формы *zaḥak* 'смеяться', *halak* 'гибнуть, погибнуть', *labas* 'одеваться', а с другой — *ziḥik*, *hilik*, *libis* и т. д., точно так же, как и в некоторых бедуинских наречиях.

Гласный элемент глагольного префикса несовершенного вида нередко меняется в зависимости от характера гласного второго коренного согласного.¹ Так, в силу той же гармонии гласных, в қашқадарьинском имеем,

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 78.

с одной стороны, i^uktul, tu^uktul, tu^uktulín, с другой — i^{ar}au^uen, t^{ar}au^uen (|| i^{ar}au^uen (Ĝeĩnáu); или же müzrubu, но mĩšĩlu (Ĝāgarĩ).

В обследованном диалекте сильно развита замена согласных. Однородные согласные часто заменяют друг друга; так, напр., часто меняются: r || l — agal < перс.-тадж. agar 'если'; iğil < iğir 'нога'; tulid < turid 'рождать' (3-е л. жен. р. ед. ч.). У нас записана такая фраза: Amīr kāl-ki māratak bint túrid [< tulid —] agár, i uáladi māheda, ilái marati bint túrid agar, i uáladak mántiáh, т. е.: 'Амир сказал [-что-] „если жена твоя родит дочь, сыну своему возьму ее (в качестве жены), если жена моя родит дочь, сыну твоему отдам ее'. Таким же образом чередуются и другие плавные согласные.

Сильно развито падение согласных, часто теряется t в конце слова: ašrafijā < ašrafijāt; naḥnā < naḥnāt (в противоположность náḥna, которое употребляется в қашқадарьинском в значении pl. maiestatis); kun < kunt; так же теряется r (ḥai < ḥair 'хорошо'; fad < fard [форма, употребляемая и в месопотамском диалекте]) и n (akun, перс.-тадж. aknun 'теперь'; kēi || kēi < kēin كائن и т. д.).

Утрата гласного в начале слова в Ĝeĩnau и 'Arab-ḥāne, редко в Ĝāgarĩ, возмещается протетическим гласным, появляющимся для устранения двухсогласного начала. Таким образом имеем: əbrūhu < be-rūḥ-hu < بروحه 'он сам'; it'arakín < ta'arak-na (3-е л. жен. р. множ. ч. от تعارك 'ссориться'); it'au^uen تعاون ... 'ты помогаешь', и т. д.

В қашқадарьинском наблюдаются случаи слияния конечного гласного с начальным гласным последующего слова: idrūn < iadrūn (adrūn < перс.-тадж. اندرون 'в', 'внутри'; māhesa < ma āhesa 'не возьму'; madrí < ma adri 'не знаю'; mangalib < ma 'angalib 'не вернусь'; maği < ma aği 'не приду' (ср. ирак. maḳdur < ma'aḳdir¹); tálbisa 'одену' < ta-álbisa < تالْبِسَة и т. д.

Односложные слова в обследованном диалекте, так же как и в некоторых других диалектах, становятся двухсложными. Гармония гласных сказывается и здесь; ša'ar < ša'r 'волосы'; izin < 'uzn 'ухо'; 'idil 'мешок'; baṭen < baṭn 'живот'; tibin < tibn 'солома'; zāhir < zāhr 'спина'; sabih < sab 'семь'; tisiḥ < tis 'девять' и т. д. С другой стороны, двухсложные слова в status constructus стягиваются в один слог: ualt mibīḥ; ualt ioldāš и т. д.

Несмотря на все эти изменения, язык среднеазиатских арабов с чисто внешней стороны, в смысле артикуляционной базы, интонации, акцентуации, манеры изменения голоса в вопросительных, так же как и в положительных предложениях, является типичной арабской речью. В этом сразу может убедиться всякий, имеющий возможность слышать эту речь непосредственно.

6. МЕСТОИМЕНИЕ

Значительный интерес представляет собой местоимение. Из личных местоимений следует отметить местоимение 1-го лица ana (ед. ч.) náḥna (множ. ч.) для обоих наречий. Форма, известная нам и по другим диалектам. Во 2-м лице имеем hint (муж. р.), hinti (жен. р.) в бухарском наречии и inta (муж. р.), inti (жен. р.) в қашқадарьинском. Во множественном числе, подобно месопотамскому, имеем hintu, hintin в бухарском и intu, intinna в қашқадарьинском. Формы naḥna и intu в қашқадарьинском имеют значение pl. maiestatis; для образования обычного же

¹ В. Meissner, ibid., p. VII.

множественного числа здесь использовано именное окончание множественного числа женского рода *āt: naḥnāt, intuāt* (во 2-м лице, во избежание зияния между конечным и слова *intu* и начальным гласным элементом суффикса *-āt*, часто появляется *antihiatu* в виде *u: intu-u-āt*). Личное местоимение 3-го лица в нашем наречии самостоятельно не употребляется. Оно сохранилось лишь при отрицательной частице *mā*, в виде *mā-hu* (муж. р.), *mā-hi* (жен. р.) (в бух.) и *ma-haṣ mā-haṣ* (қ.-дар.). Из этих форм первые (*mā-hu, mā-hi*) идентичны с соответствующими формами бедуинской речи Петры,¹ а вторые напоминают арамейские формы местоимения. Для 3-го лица использовано демонстративное местоимение *dūk, dūki* (в 'Arab-ḥāne: *dēki*) в бухарском и *zāk, zika* в қашқадарьинском. Обе эти формы, повидимому, находятся в связи с класс. араб. *ذلك*, но при различных тенденциях к изменению в разных диалектах они приняли разный вид.

Во множественном числе, соответственно, имеем *dukōlā* (в 'Arab-ḥāne *dēkālāu*), *dukālān*, с одной стороны, и *ziklōnāt, ziklānna*, с другой, — формы, привлечение которых, при сравнительном обзоре семитических местоимений, принесло бы немалую пользу.

Указательное местоимение 1-го лица, которое в сирийском звучит *hada, hadi, hal* (со значением детерминатива), в нашем диалекте тоже имеет форму *had, hadi, haṭ, hal* (бух.) или *hāza, hāzi* (в қ.-дар.). Любопытна форма множественного числа *hālān*, почти идентичная с араб. *hālēn*.

Относительное местоимение в среднеазиатском арабском исчезло. Вместо этого прибегают к описательному способу с помощью иранской частицы *kī* 'что'.

Вопросительное местоимение *māep* 'кто' сохранилось старое. Для выражения понятия 'что' употребляется обычная для большинства арабских диалектов форма *eṣ || eṣ* *أى شيء*.

В местоименных суффиксах больших отклонений не наблюдается. В 3-м л. ед. ч. в бухарском имеем *u* (после согласных) и *h* (после гласных), в қашқадарьинском — типичное для месопотамского диалекта *a*. Это явление мы считаем одним из основных признаков отличия между бухарским и қашқадарьинским наречиями. Во 2-м л. муж. р. в обоих диалектах имеем *k* после гласных и *ak* после согласных, как, вообще, принято в арабских диалектах. Только в форме женского рода появляется своеобразие. В бухарском наречии местоименный суффикс 2-го л. жен. р. ед. ч. представлен в виде *kī* даже в тех случаях, когда предшествующее этой частице слово оканчивается на согласный: *kataltkī* 'я убил тебя'; *apa maṭtilkī* 'я тебя убиваю' и т. д., т. е. совершенно так же, как и в литературном языке. Қашқадарьинский в данном случае придерживается общей схемы.

Местоименный суффикс 1-го лица *-i* (в имени) и *ni* (в глаголе) обычен для всех арабских диалектов.

Во множественном числе следует отметить *hum || um* для мужского рода и *hin || in* для женского. Во 2-м лице, соответственно, имеем *kum, kin* в бухарском и *kum, kinna* в қашқадарьинском. В 1-м лице — везде *na*. Таким образом, в отношении местоимений, среднеазиатский арабский обнаруживает достаточную консервативность.

В качестве возвратного местоимения использовано слово *rūḥ* *روح* с частицей *[bi > b >]* *эб* в начале и с местоименным суффиксом в конце: *эbrūḥu* 'он сам'; *эbrūḥna* 'мы сами'. В *Ḡeṣṣāu*, кроме того, между

¹ Ср. Musil. Arabia Petrea, III, p. 350.

частицей *bu* [bi] и словом *rāḥa* [< *rūḥa* روحه] появляется (повидимому, на фонетической почве) согласный *d*: *budrāḥa* 'он сам'. В обоих наречиях часто употребляется также в качестве возвратного местоимения слово *rūḥ* без предшествующей частицы; *rūḥna*, *rūḥkum* и т. д.

7. ГЛАГОЛ

Глагол обнаруживает ряд форм и явлений, свидетельствующих о сравнительно древней стадии развития изучаемого диалекта. С другой стороны, констатируется развитие новообразований, чрезвычайно интересных с точки зрения общего языкознания. Кроме того, надо отметить, что глаголу обследованных диалектов свойственны некоторые черты, характерные для речи бедуинов.

Прежде всего обращают на себя внимание глагольные окончания. В совершенном виде сохранились формы женского рода, оканчивающиеся в классическом языке на *na*, известные нам только в речи бедуинов и совершенно утраченные в других диалектах. Эти окончания, представленные в виде *in*, полностью совпадают с аналогичными формами бедуинских диалектов: *ṣaḥakīn* (3-е л.), *ṣaḥaktīn* (2-е л.), (*Ṣāḡarī*) или *ṣiḥkīn*, *ṣiḥiktīn* ('Arab-ḥāne).

В қашқадарьинском наречии формы женского рода множественного числа представлены несколько иначе. Здесь, вместо бухарского *in*, имеем окончание *ānna* (в 3-м л.) и *īnna* (во 2-м л.): *ṣaḥakānna*, *ṣaḥaktīnna*. Несколько отличается также окончание 3-го л. множ. ч. муж. р., которое в қашқадарьинском совершенно так же, как и в бедуинском, звучит *au*: *ṣaḥakaū* (в *Ṣāḡarī* и 'Arab-ḥāne эта же форма представлена в виде *ṣaḥaku* и *ṣiḥku*). Форма 3-го и 2-го л. муж. р. множ. ч. *ṣaḥakaū*, *ṣaḥaktu* в қашқадарьинском большей частью употребляются в значении pl. maiestatis; для обычного же множественного числа там образована новая форма с помощью окончания *āt*, заимствованного и здесь, как в местоимениях, от имен. Во избежание зияния, во 2-м лице, между глагольным окончанием и частицей *āt*, появляется *u*. Таким образом указанные формы в қашқадарьинском звучат: *ṣaḥakaūāt* 'они смеялись'; *ṣaḥaktuūāt* 'вы смеялись'.

Не менее интересны формы несовершенного вида. Прежде всего следует отметить наличие тех же самых окончаний женского рода *in* в бухарском и *īnna* в қашқадарьинском (на этот раз уже одинаково для обоих лиц жен. р. множ. ч.). Кроме того, сохранились окончания *īn* (2-го л. жен. р. ед. ч.) и *ūn* (2-го и 3-го лиц муж. р. множ. ч.), свидетельствующие также о некотором сходстве нашего языка с бедуинским.

В связи с этим следует отметить, что среднеазиатский арабский до сих пор сохранил отличия наклонений, хотя формы изъявительного наклонения, с характерными для него окончаниями *īn* (2-го л. жен. р. ед. ч.) и *ūn* (3-го и 2-го лиц муж. р. множ. ч.), вследствие утраты понимания их первоначального значения, нередко употребляются для обозначения сослагательного или условного наклонений.

Для бухарского наречия характерно также одно явление, которое отдаляет его не только от других арабских диалектов, но и от речи *Ṣeīnāu*. В форме несовершенного вида всех трех лиц появляется частица¹ *m* || *mī*, значение которой не ясно: *mizḥak* 'смеется'; *mazḥak*

¹ Во 2-м лице трехбуквенных глаголов она исчезает, в силу, повидимому, стремления к сохранению количества слогов в глагольной форме. Поэтому, наряду с *mi-drīd*, имеем *tizḥak*.

‘смеюсь’; *mi-trīd* || *mi-drīd* ‘хочешь’, ‘хочет’ (3-е л. жен. р.); *mitrīdīn* || *mī-drīdīn* ‘хочешь’ (2-е л. жен. р.) и т. д. Вопрос о том, является ли эта частица заимствованием из иран. *می*, придающего глаголу значение длительности действия, или это обычный префикс несовершенного вида сирийского и египетского, — пока остается открытым. Не исключена возможность, что она образована по аналогии с причастием. Во всяком случае, эта частица не является средством противозияния в форме „я“ несовершенного вида, так как она появляется не только в 1-м лице, местоимение которого звучит *apa*, но и в 3-м лице, где местоимением служит *dūk* и где, следовательно, надобности в *antihiatu*’е нет.

В *қашқадарьинском* указанная частица совершенно отсутствует, что также является одной из характерных отличительных черт для этого наречия, сравнительно с бухарским. В связи с этим следует указать на один любопытный случай. Мы уже отметили, что в *қашқадарьинском* гласный элемент отрицательной частицы *mā* при его употреблении с 1-м лицом несовершенного вида глагола сливается с глагольным преформативом, в результате чего, вместо формы *mā aṣḥak* ‘не смеюсь’, появляется форма *maṣḥak* (с кратким „а“), которая внешне идентична с положительной формой бухарского глагола. Таким образом, по случайному совпадению, внешне одна и та же самая форма *maṣḥak* в бухарском означает ‘я смеюсь’, а в *қашқадарьинском* — ‘я не смеюсь’, *maḥḍir* ‘я могу’ (бух.) и ‘я не могу’ (қ.-дар.), *maḥid* ‘я хочу’ (бух.) и ‘я не хочу’ (қ.-дар.) и т. д. Неудивительно поэтому, что бухарские и *қашқадарьинские* арабы друг друга понимают с большим трудом или вовсе не понимают и предпочитают говорить между собой по-узбекски.

В глаголе необходимо также отметить образование, с помощью причастия действительного залога и местоименных суффиксов, форм со значением прошедшего неопределенного турецкого или *turmeobiti* (ṭurmeobiti) картвельских языков: *šāiḥfinnī* ‘я видел’; *ma samḥinnī* ‘я не слышал’, и т. д. Здесь причастие действительного залога с утратой у трехбуквенных глаголов гласного второй коренной, с прибавлением неопределенной частицы *in* и притяжательных местоименных суффиксов, образует формы, аналогичные с прошедшим неопределенным тюркских языков, под влиянием которых возможно они и возникли.¹

Благодаря влиянию тюркских языков в среднеазиатском арабском глаголе возникли формы настоящего определенного (настоящее данного момента), неизвестного в семитических языках. Для этого к глагольной форме прибавляется причастие от вспомогательного глагола *nām* ‘спать, лежать’ (соответствует узб. *jatmaq*): *nāḥim*; *iḥgi nāḥim* ‘он идет’; *tiḥgi nāḥim* ‘ты идешь’ и т. д. При переходных глаголах, в зависимости от изменения лиц основного глагола, меняются и лица причастной формы вспомогательного глагола с помощью местоименных суффиксов: *taktulu nāḥiminnak* ‘ты убиваешь’, *iktibu nāḥiminnu* ‘он пишет’, напр., *il min tiktibu nāḥiminnak* ‘кому пишешь?’, *il fad adami aktibu nāḥimānni*² (sic!) ‘одному человеку пишу’ и т. д.

¹ Глагольные формы, образованные с помощью причастия и притяжательных местоимений, как известно, характерны также для арамейского языка (где, между прочим, это явление рассматривается крупнейшими современными исследователями как результат влияния переднеазиатского субстрата), и не исключена возможность, что указанное явление среднеазиатского арабского глагола находится в какой-либо связи с этими арамейскими формами. Но идентичность этих форм, по содержанию, с турецким неопределенным и наличие в обследованном диалекте, наряду с этим, форм настоящего определенного (ср. ниже), образованных под несомненным влиянием тюркских языков, дает нам основание предполагать, что и указанные формы возникли в результате турецкого влияния.

² Следовало бы ожидать *nāḥiminnī*.

Глаголу свойственна еще одна черта. Переходный глагол (особенно в говоре Ġāgarī) почти всегда снабжен местоименным суффиксом при наличии реального дополнения в предложении так же, как и в тех случаях, когда дополнение существует лишь потенциально. Таким образом местоименные окончания глагола являются в то же самое время объективными суффиксами, а сам глагол как бы приобретает характер объективного строя, знакомого нам по кавказским языкам. *iḥmār ḥadāh* 'осла взял его'; *ḥēt ḥadāh* 'веревку взял'; *illai ḥallāṣni* 'он меня спас [меня]'; *hint ilai handūk güliḳoḳó intu* 'ты мне эту розу дай [ее]'; *Nāsu ba'asum* 'людей послал [их]' и т. д. Явление это не выдержано со строгой последовательностью, но встречается так часто, что некоторые формы переходных глаголов без местоименного суффикса, можно сказать, не употребляются. Отсюда один шаг к тому, чтобы переходные глаголы стали двучными подобно глаголам кавказских языков. Явление чрезвычайно интересное с точки зрения общего языкознания.

Повелительное наклонение недостаточных глаголов образуется по бедуинскому образцу с утратой конечной гласной: *imš*, *ibk* и т. д., вместо *imši*, *ibki* других диалектов и *أَمْشِ*, *أَبْكِ* классического языка.

В удвоенных глаголах в нашем диалекте также появляется раздельная гласная, обычная и для других диалектов.

Хамзовые глаголы *ḥadā* < *أخذ* 'брать' и *kalā* < *أكل* 'есть, кушать' в повелительном наклонении, вместо обычного *ḥuz*, *kul*, образуют по аналогии формы: *uḥud*, *ukul* (Ġrī) или *uḥda*, *ukla* (Ġeīnāu).

Породы сохранились почти полностью. Только IV порода вытеснена интензивом, хотя и она встречается: *anta* || *anṭa* (ср.: ирāk. *anta*, палест. *anṭa*).

Подобно сиро-палестинскому и месопотамскому, в обследованном диалекте возникли формы будущего времени, образованные с помощью частицы *ta* < *متى*: *ta - tiḳtila* 'убьет ее'; *ta-noḡdi* 'пойдем'; *taṭəkūn* 'будет' и т. д.

Глаголы *جاء* 'приходить' и *غدا* (лит. 'отправиться рано утром', ср.-аз. араб. 'уходить; отправиться') в 3-м л. муж. р. ед. ч. имеют суффикс *-k*: *ḡak*, *ḡadāk* (с краткими гласными). Происхождение этой частицы очень долго оставалось для нас непонятным. Теперь, благодаря наличию параллельных форм в қашқадарьинском, можно высказать некоторые предположения. В среднеазиатском арабском очень часто встречается причастная форма глагола *كان*: *kōjīn*, *kāejīn*, *kēn*, *kīn*, *kin*, выполняющая функции вспомогательного глагола. Так, напр., в Ġeīnāu, для образования как бы *plusquamperfect'a* от глагола *جاء*, к глагольной теме *ḡa* (جاء) присоединяется причастие *kāejīn*: *ḡa'kāejīn* ['—оказывается—] он пришел'. В Ġāgarī и Arab-ḥāne встречаются также формы *ḡakkīn* (от *جاء* и *كائن*), *ḡakīn* и *ḡadakīn ḡadakkīn*¹ (от *غدا* и *كائن*). В результате утраты конечного *n* (ср. выше, стр. 139) и дальнейшего исчезновения гласного *i*² могли возникнуть формы бухарских арабских глаголов *ḡak*, *ḡadāk*, отсутствующие, между прочим, в қашқадарьинском. Н. В. Юшманов указал нам по поводу *ḡak*, что этому глаголу вообще везет в диалектах на наращения: *جاءا* без изменения значения, *جاء* (из *جاء*) с каузативным значением 'приносить' (употребляется и в нашем наречии) и, наконец, бух. *ḡak*. Но

¹ С удвоением *k* между двумя гласными.

² Ср. выше аналогичный случай в повелительном наклонении недостаточных глаголов.

если глаголу ġak везет на наращение, то глагол كان, наоборот, проявляет тенденцию к сокращению, если вспомнить об утрате коренного п еще в классическом языке или отрицательной частицы māku (ирак).

Таким образом, если наше объяснение верно, то мы имели бы любопытный случай сокращения самостоятельного слова и его перерождения в глагольное окончание.

Форма маџдара унифицирована. Все глаголы даже I породы одинаково образуют маџдар. В 'Arab-ħāne и Ğejnau — с помощью aħān и an (kalān от اكل; garān от قرأ; zabahān от ذبح; в 'Arab ħāne: kaḷahān, zabhān, kaṭlān, zaṛbān и т. д.), а в Ğāgarī — с помощью iġān, с утратой гласной у второй коренной (ka'diġān от قعد; harbiġān от هرب; ṭal'iġān от طلع и т. д.). Интересны формы маџдара пустых глаголов: ḥaifiġān < خاف; maifiġān < مات; šeiḥiġān < شاف; seiḥiġān < ساق. В производных породах в бухарском наречии, по аналогии с причастием, появляется mi||mu: mirakbiġān < كب; miṭ'arkbiġān < تعارك; minkisriġān < انكسر; muḥṭuṭiġān < اختلط и т. д.

8. ИМЯ

В имени можно отметить сохранение неопределенного члена in (без выражения падежных отличий). При сочетании существительного с прилагательным снабжается неопределенным членом только определяемое, как это имеет место в речи бедуинских говоров Аравии: ¹ ḥadīsin kabīr 'большое слово'; dēuīn asqad 'черный див'; farasin ābiaz 'белая лошадь' и т. д. С другой стороны в бухарском говоре нуация отсутствует, и в противоположность большинству арабских диалектов, вместо marḥaban, aḥlan uṣa saḥlan и т. д., имеем marḥabā и т. п. — обороты, идентичные с аналогичными формами речи бедуинов.² Только в кашқадарьинском встречается адвербиальная форма с нуацией, хотя и здесь наблюдается колебание, и, наряду с 'uguban и 'ugubīn || 'ugbīn, имеем 'ugub.

Сохранилось также правильное множественное число с окончанием на in (с долгим гласным): muṣakkilīn < موكلون чаще встречается форма множественного числа на āt, вместо ломаного: iīd || iit || it 'рука' — iīdāt; даже в словах мужского рода: faras 'лошадь' — farasāt; kitāb 'книга' — kitāb-āt; kalb 'собака' — kalbāt. Нередко употребляется и множественное ломаное: iḡil || riḡal 'нога' — riḡul; izīn 'ухо' — izūn; ḥāḡib 'бровь' — haṣḡib; iḥmār 'осел' — ḥamīr, наряду с iḥmārāt, и т. д.

В имени сохранились также формы двойственного числа: iīdēn < يدان; ḥāḡibēn < حاجبان; 'ænēn < عيمان; ḥaitēn < حيتان; leiltēn < ليلتان; naḥārēn < نهاران и т. д.

Для понятия „один“ в значении неопределенного члена употребляется fat || fad < fard, обычное для иракского³ и констатированное и в речи бедуинов.⁴

9. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Арабских числительных почти не сохранилось. В Ğejnau большинство населения умеет считать по-арабски только до пяти. Но и здесь арабские числительные уступили место таджикским. В бухарской области арабские

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 79.

² Ср.: Wallin, ZDMG, XII, p. 674.

³ Где, между прочим, наряду с fard встречается также и fad, как в нашем диалекте.

⁴ А. Socin. Diwan aus Centralarabien, III, § 69 в, p. 96; а также 1, 26, 14; 32, 16; 37, 17; 36, 18 и др.

числительные хотя и встречаются, но и там предпочитают вести счет по-таджикски. В настоящее время числительные имеют следующий вид: *uāḥed* || *uāḥda* (*fataḥed*), *isnēn*, *salās*, *ārba'* (или *ārbaḥ*), *ḥams*, *sit(t)*, *sābēḥ*, *samān*, *tisiḥ*, *ʿašer* = 10; *ʿašer-uāḥda* = 11; *ʿašerēs n ēn* = 12; *ašersalās* = 13, и т. д.; *ašrūn* = 20. Начиная с 30 счет идет по десятичной системе, подобно иранскому: *salās ʿašrāt* = 30; *ārba'* (и *ārbaḥ*) *ʿašrāt* = 40; *ḥams ʿašrāt* = 50.

Mī'a (с 'айном, вместо хамзы) 'сто', сохранилось во всех наречиях.

10. ОТРИЦАНИЕ

Для отрицания употребляется обычное для арабских диалектов *lā*, *la'* (в паузе) и *ma*. При формах несовершенного вида согласный элемент частицы *lā* в 'Arab-ḥāne ассимилируется с глагольной приставкой, и получается *nā* > *na*: *na maḳḍir*, вместо *lā maḳḍir* 'не могу'.

Для отрицания употребляются также *māmin* (к.-дар.) и *man* (бух.) 'нет'.

Любопытны случаи употребления частицы *mā* || *mā'* в сочетании с местоименными суффиксами: *mā-hu*, *mā-hi* (бух.) *mā-hau*, *mā-hai* (к.-дар.) 'нет его, ее'; *mānni mānnak* (с удвоением *n* между двумя гласными), *mānkum* и т. д. 'я, ты, вы — не...', 'нет меня, тебя, вас' и т. д. Напр. *dēu ḳāl-ki ana ʿabt mānni dia!* 'див сказал [—что—] „я ведь не раб!“.

11. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Утвердительная частица „да“ „ja“, „yes“ в нашем наречии отсутствует. Для утверждения повторяется вопрос без вопросительной частицы (*tiktib-mi?* 'пишешь ли?' < *maktib* 'пишу') или же употребляется междометие *hāā*.

12. ЧАСТИЦЫ

Из многочисленных предлогов следует особо отметить частицу *i* < || *il* (< *ilā*), употребляемую, подобно 'иракскому, в самых разнообразных значениях.¹ Исходный согласный этой частицы почти уже совершенно исчез, так что предлогом в большинстве случаев служит одна гласная *i*. В сочетании с местоименными суффиксами еще сохранилась старая форма: *ilaj*, *ilēk* || *ilēk*.

13. ВОПРОС

Вопрос большею частью выражен с помощью сложных частиц: *eš*, *ēš* *شي* 'что'; *esāb* (бух.) 'где, куда'; *eškō* (к.-дар.) 'где, куда'; *ēslōn* *ایش لون* 'как'; *ši-ni* (< *ši-li?*), *li* 'почему'.

Широкое распространение получила турецкая вопросительная частица *mi*: *tikḍir-mi?* 'можешь ли?'; *tōḡdi-mi?* 'уходишь ли?' и т. д.

14. СТРОЕНИЕ ФРАЗЫ

Конструкция арабской фразы совершенно разрушена, как уже правильно отметил Н. В. Юшманов. В нашем наречии возникли необычные для арабского и семитических языков синтаксические явления, которые отдают его от известных нам остальных арабских диалектов.

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 80.

Старый семитический порядок *status constructus*'a — определяемое определение — в обследованном диалекте еще сохранился (*bint pāšā* 'дочь паши'; *um[m]bint* 'мать дочери'), но нередко встречается необычное для семитических языков сочетание (определение-определяемое), воспринимаемое как детерминативный композит (*tatpuruša*) индоевропейских языков: *ḥatab mibīḥ* 'дров продавец'.

Большое распространение получил так называемый турецкий изафет, когда существительное-определяемое, поставленное после определения, снабжено местоименным суффиксом: *ḥamīr saḥbīn hīnu?* (бук.) 'владелец ослов где?', букв. 'ослы — владелец их где [—он—]?'; *zūčkī āpnāh hīnin* (бук.) 'глаза твоего мужа где?', букв. 'муж твой — глаза его где [—они—]?'; *lāḥem gidiru ḡābu* (бук.) 'котел [—для—] мяса принес он', букв. 'мясо — котел его принес он [—то—]'; *dīē m' rta* (Ḡeīnau) 'жена дива', букв. 'див — жена его'.

Порядок слов в предложении таков: подлежащее обычно предшествует сказуемому: *ḡaldaiin k'bir gāl-ki...* (Ḡeīnau) 'старший сын сказал, что...'; *ḥaṭīb qāl* (бук.) 'хатиб сказал' и т. д. Дополнение также ставится впереди сказуемого: *i ḡarba qāl* (бук.) 'щенку сказал'; *handūk tapsīn kabīr ḥadāh* (бук.) 'ту большую тарелку взял'; *i nasībīnu qāl ki „ummi ḥač maḡudi a“* (бук.) 'своим соседям сказал [—что—] „мать мою на хадждж веду“'; *Abūh¹ qāl-ki binti i hamāt aḥtēta* (бук.) 'ее отец сказал [—что—] „дочь свою этому я даю“ [=дал]'; *ḥimāra sāḡa ḡadāk* 'ослицу погнав — ушел'.

Таким образом порядок слов обычно подчиняется схеме: подлежащее, дополнение, сказуемое.¹ *Ḥōḡākūš i ḡalt pāšā i-suhru qāl* (бук.): *Ḥ* сыну паши, зятю своему, сказал'; *kasīr adamīn i-bint ḡābūa i-bē(i)tum* 'много людей привезли девушку в их дом'; *bint faz zabība lāket* (бук.) 'девушка одну изюмину нашла'.

Если логическое ударение падает на дополнение, то оно ставится перед подлежащим: *i ha-adamām* (sic) *Ḥōḡākūš qazabuh* 'и этого человека *Ḥ* схватил'; *hal-matal Ḥairēllā ḡalt Aḥmāt gāla* (Ḡeīnau) 'эту сказку *Ḥ*, сын А., сказал'; *māratak dūk ḥadāha* (бук.) 'твою жену он взял'; *illāi² hinti ḥillīni* 'меня ты (жен. р.) освободи'; *hamai mārati fat ādoemī ḥadāha* (бук.) 'эту мою жену один человек взял'; *qāl-ki abūi ana la mānta tatīktīlu* (бук.) 'сказал [—что—] „я не дам тебе убить моего отца“'.

Эти изменения в строении фразы являются, повидимому, причиной появления в глаголах объективных суффиксов, ибо отличить субъект от объекта, при отсутствии падежных окончаний у имен, не было бы возможным, если бы местоименные суффиксы не указывали на дополнение. Впоследствии эти суффиксы, часто употребляемые с глагольной формой, сражаются с ней, как бы образуя двуличные глаголы с внутренними субъектом и объектом. Образование подобного типа глаголов в семитическом диалекте представляется нам чрезвычайно важным явлением, интересным для изучения истории возникновения двуличных глаголов вообще.

Определительное придаточное предложение в обследованном диалекте отсутствует. Придаточное предложение, вместо слова „который“, связывается с главным с помощью заимствованной с персидско-таджикского частицы *ki*: *hal-adami, ki ḡāi...* (бук.) 'этот человек, что [—который—] пришел...'; *hai mara, ana ki ḥadēta* (бук.) 'эта женщина, что [—которую—] я взял (в качестве жены)', и т. д.

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 80.

² Так.

Эта же частица использована для введения прямой, так же как и косвенной, речи. 'Ajjān ki zihket (бух.) 'увидел, что засмеялась'; 'ajjan, ki fūḵ rasu fad moīsafēt uōḵif (бух.) 'увидел, что над его головой один старик стоит'; 'ajjan, ki adamin amir ḵa'dīn (бух.) 'увидел, что люди эмира сидят'. Или же: dūḵ ḵāl-ki ana ma'rifu bētu (бух.) 'он сказал [—что—] „я знаю его дом“; ḵilāf zagīr ḵāl-ki „imš uḍni“ (бух.) 'потом юноша сказал [—что—] „иди, возьми меня“; ḵilāf fad adami ḡak-kēn ḵāl i hamat zagīr ki „marat ak dūḵ ḵadāha“ (бух.) 'потом один человек, который пришел, сказал этому юноше [—что—] „жену твою тот взял“; d(i)ēuāt ḵālīn ki (il hat zagīr) „šuglak šor-mi iō šugl 'ændak?“ (бух.) 'дѣвы сказали [—что—] (этому юноше) „исполнилось ли дело твое или еще есть у тебя дело?“; ummu ḵalā'et ḵālet-ki „eš mitḵulūn?“ (бух.) 'его мать вышла, сказала [—что—] „что вы скажете?“.

Согласование в лице, числе и роде в общем следует обычной схеме, хотя и в этой области наблюдаются некоторые необычные отклонения от арабской нормы, свидетельствующие о значительном изменении арабского мышления благодаря влиянию окружающих языков.

15. ЛЕКСИКА

Словарь, в основном, состоит из семитического материала. В этом отношении наш диалект близко примыкает опять-таки к иракскому, отчасти аравийскому. Разница между бухарским и қашқадарьинским наречиями чувствуется и в области лексики. Так, напр., обычное для бухарского наречия ḵilāf 'потом' неизвестно в қашқадарьинском, где вместо этого употребляется 'ugub, 'uguban || 'ugubīn (ср. ирак. 'ag[u]b, арав. 'ogub); или же бух. esāb 'где' — қ.-дар. eskō; қ.-дар. madd 'уходить' неизвестно в бухарском. С другой стороны, обычное для Arab-ḥāne и Ğejnāu sār 'уходить' вызывает насмешку у жителей Ğāgarī.

В словаре сильно отражается также влияние окружающих языков. Но интересно отметить любопытные случаи, когда в арабский диалект попадают арабские же слова при посредстве чужих (персидско-таджикского, узбекского) языков, как, например: raīf 'председатель'; šūra 'совет'; maktab 'школа', и т. п.

Таким образом работа над обследованным диалектом приводит нас к следующим выводам.

I. Среднеазиатский арабский является самостоятельным диалектом, занимающим, подобно мальтийскому, совершенно обособленное место среди известных нам до сих пор диалектов арабского языка. Мало того, если к вопросу о делении на языки и диалекты определенных языковых единиц подойти с точки зрения степени понимания, в данном случае понимания представителями стран арабского Востока нашего языка, мы бы смело могли его назвать самостоятельным языком, вроде того, как, напр., принято называть современные южноарабские языки Mehri, Soḵotrī и т. д., ибо сомнительно, чтобы для какого-либо палестинского феллаха наш язык оказался бы более понятным, чем современная древнееврейская речь Иерусалима. Но степень понимания критерием служить не может, и, несмотря на всевозможные изменения, разрушения синтаксиса и т. д., при более детальном изучении языка среднеазиатских арабов мы все больше убеждаемся, что все те явления, которые отдаляют его от арабского, являются или следствием совершенно закономерного внутреннего развития самого языка, или же привнесены извне. И если очистить наш язык от привнесенных элементов,

перед нами предстанет настоящий арабский со свойственными исключительно ему языковыми явлениями.

II. Этот язык среднеазиатских арабов обнаруживает близкое сходство с месопотамской и отчасти центральноаравийской бедуинской речью, хотя, наряду с этим, в нем встречаются отдельные формы и явления, характерные и для других диалектов арабского языка.

III. Внутри самого среднеазиатского арабского следует отметить наличие, по крайней мере, двух самостоятельных наречий. Выше мы лишь мимоходом касались отдельных случаев расхождения между бухарским и қашқадарьинским наречиями. В действительности этих расхождений значительно больше. Разница чувствуется не только в фонетике и морфологии, но и в лексике, подвергнувшейся сильному иноязычному влиянию. Это и понятно. Бухарские арабы, наряду с арабским, хорошо знают также таджикский и узбекский. Но они указывают, что несколько десятков лет тому назад арабов, владевших узбекским, было очень мало. При этом и лица, умеющие говорить по-узбекски, знакомились с этим языком лишь после изучения таджикского. В Джейнау наблюдается обратная картина. Там только немногие старики могут объясняться по-таджикски. Зато вторым обиходным языком для местного арабского населения является узбекский язык, которым постепенно вытесняется родной язык арабов. Кроме того, в Джейнау распространено также знание туркменского. Таким образом влияние тюркских языков сказывается в қашқадарьинском в большей степени, чем в бухарском. Но эти различные влияния относятся к значительно более поздней эпохе, и расхождения, вызванные ими, тоже позднего происхождения. Более интересны расхождения, обнаруживающиеся на основном семитическом материале. Эти различия в области фонетики, глагола, местоимений и т. д. не могут быть объяснены как результат различных влияний окружающих языков. Они, по всей вероятности, восходят к более древней эпохе и свидетельствуют о том, что разница в языке существовала еще до переселения предков наших арабов в Среднюю Азию.

В настоящем кратком сообщении мы не могли коснуться отдельных форм и явлений, встречающихся в нашем диалекте и представляющих подчас значительный интерес как для арабской диалектологии, так и для общего языкознания в широком смысле. Мы надеемся коснуться этих вопросов более подробно в ближайшем будущем, когда собранные нами диалектологические материалы будут полностью опубликованы.
